Темный оттенок магии

Автор:
Виктория Шваб

Темный оттенок магии

Виктория Шваб

Оттенки магии #1

Келл – один из тех, кто обладает удивительной способностью путешествовать между Лондонами. В его мире их несколько.

Серый, лишенный магии, которым правит безумный король Георг. Полный магии Красный.

Белый, где магия принадлежит тому, кто подчинит ее себе с мечом в руках. Когда-то существовал и Черный Лондон…

Каждый месяц Келл доставляет почту правителям разных Лондонов. А еще он помогает нелегально путешествовать между мирами тем, кто этого не умеет, но готов платить. Двойная жизнь увлекательна и полна опасностей. Но однажды это приведет всех на край гибели…

Виктория Шваб

Темный оттенок магии

© 2015 by Victoria Schwab

© В. Нугатов, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Тем, кто грезит о других мирах

Что касается магии, то главное в ней не сила, а баланс. Если у тебя слишком мало способностей, ты слаб. Слишком много – и ты перестаешь быть самим собой.

Тирен Серенс, верховный жрец Лондонского святилища

Глава 1. Путешественник

I

Келл носил очень необычный плащ.

У него была не одна сторона, как это принято, и даже не две, что посчитали бы оригинальным, а несколько, хотя это, разумеется, невозможно.

Когда Келл переходил из одного Лондона в другой, то первым делом снимал плащ и выворачивал его наизнанку пару раз (а то и трижды), пока не находил нужную сторону. Они были очень разными, и каждая для чего-то предназначалась. Некоторые позволяли слиться с толпой, другие, наоборот, выделиться, а одна ни к чему не подходила и поэтому нравилась ему больше всего.

Ступив из дворцовой стены прямо в вестибюль, Келл отдохнул пару минут – странствия между мирами не проходили для него бесследно. Затем он сбросил с

плеч красный плащ с высоким воротом и вывернул наизнанку справа налево, превратив его в простую черную куртку. Правда, с вышивкой серебром и двумя рядами серебряных пуговиц. Пересекая границу этого Лондона, Келл довольствовался скромной цветовой гаммой, так как не желал задевать гордость местных королевских особ или привлекать к себе внимание, однако это вовсе не означало, что он должен жертвовать и чувством стиля.

«О, эти короли», – подумал Келл, застегивая пуговицы куртки. Он начинал думать как Рай.

На стене медленно таял призрачный символ, оставшийся после прохождения Келла, напоминая след на песчаном берегу моря.

Келл никогда не стал бы помечать дверь здесь – по той простой причине, что никогда не возвращался этим путем. Виндзор и Лондон были расположены страшно неудобно: на расстоянии одного дня пути. Келл же мог перемещаться из одного места одного мира только в то же место другого. А в мире Красного Лондона никакого Виндзорского замка не существовало. Так что Келл пришел из городка Дайсен – сквозь каменную стену двора, принадлежавшего одному зажиточному джентльмену. В целом Дайсен был весьма приятным городишком.

В отличие от Виндзора – роскошного, но неприятного.

Как всегда, на мраморной стойке возле стены поджидал тазик с водой. Келл сполоснул окровавленную ладонь и серебряную крону, с помощью которой проходил сквозь стены, а затем надел шнурок на шею и опустил монету за воротник. Из дальнего зала доносились шарканье и приглушенные голоса слуг и стражей. Келл выбрал этот небольшой вестибюль специально, чтобы ни с кем не столкнуться. Он прекрасно знал, что принц-регент не выносит его присутствия, и меньше всего нуждался в публике, которая навострит уши и вытаращит глаза, а затем во всех подробностях доложит о его визите.

Над стойкой с тазиком висело зеркало в позолоченной раме. Келл мельком взглянул на свое отражение – рыжевато-каштановые волосы загораживали один глаз, но он не стал их поправлять, а лишь разгладил плечи куртки и пошел через анфиладу на встречу с правителем.

В комнате было жарко и душно. В камине яростно бушевал огонь, а окна оказались закрыты, хотя снаружи царил прекрасный осенний день.

Георг III сидел у камина, и высохшее тело монарха казалось еще меньше из-за огромной мантии. Перед ним стоял поднос с нетронутым чаем. Когда вошел Келл, король ухватился за края стула.

– Кто там? – окликнул он, не оборачиваясь. – Грабители? Призраки?

– Не думаю, что призраки ответили бы, ваше величество, – сказал Келл.

Больной король осклабил гнилые зубы.

– Мастер Келл, вы заставили меня ждать.

– Всего-навсего один месяц, – ответил тот, шагнув ближе.

Король Георг прищурил слепые глаза.

– Наверняка дольше.

– Клянусь, что нет.

– Для вас-то, может, и нет, – буркнул король, – но для безумцев и слепцов время течет иначе.

Келл улыбнулся. Сегодня король в хорошей форме. Так бывало не всегда. Келл никогда не знал, в каком настроении застанет его величество. Возможно, ему показалось, будто прошло больше месяца, поскольку в последний раз король был не в духе и Келлу насилу удалось успокоить его расшатанные нервы, чтобы передать сообщение.

– Должно быть, прошел не месяц, а год, – продолжал король.

– Но год-то все тот же.

– И какой же?

Келл нахмурился.

– Тысяча восемьсот девятнадцатый.

По лицу короля Георга пробежала тень. Затем он покачал головой и хмуро произнес:

– Время… Присаживайтесь, – добавил он, махнув рукой. – Здесь где-то должен быть еще стул.

Но стула не оказалось. Комната была пугающе пустой, и Келл не сомневался, что двери в ней отпирались и запирались не изнутри, а снаружи.

Король протянул костлявую руку, с которой сняли все кольца, чтобы он не поранился, а ногти обрезали под самый корень.

– Мое письмо, – потребовал он, и на миг Келл увидел того самого великого монарха, каким Георг был прежде.

Похлопав себя по карманам, Келл понял, что забыл достать конверт, перед тем как переодеться. Он сбросил куртку, вывернул ее в красный плащ и порылся в складках. Когда Келл вложил в руку короля письмо, тот погладил его и нежно провел пальцами по сургучной печати с эмблемой красного монарха – кубок с восходящим солнцем, – а затем поднес бумагу к носу и вдохнул запах.

– Розы, – с тоской сказал король.

Он имел в виду запах магии. Келл никогда не замечал легкого аромата Красного Лондона, въевшегося в его одежду, но, в какой бы мир он ни ходил, кто-нибудь обязательно говорил, что от него пахнет свежесрезанными цветами. Одни упоминали тюльпаны, другие – звездочеты. Кто-то чуял хризантемы, кто-то – пионы. Для короля Англии он пах розами. Келлу нравилось, что аромат приятный, пусть он его и не ощущал. Серый Лондон для него пах дымом, а Белый – кровью, а вот Красный Лондон – просто домом.

– Вскройте его, – повелел король. – Только не повредите сургуч.

Келл достал письмо из конверта. В кои-то веки он обрадовался, что король ничего не видит и потому не узнает, каким оно было коротким. Всего три строчки. Дань вежливости занемогшему номинальному правителю, и не более того.

– Это от королевы, – пояснил Келл.

Георг кивнул.

– Читайте, – приказал он, приняв величественный вид, так не подходивший его слабому телу и дрожащему голосу. – Читайте.

Келл сглотнул.

– «Приветствия его величеству королю Георгу Третьему от соседнего королевства», – прочитал он.

Она не назвала свое королевство Красным и не прислала приветствия от Красного Лондона (хотя город и впрямь казался таковым из-за яркого всепроникающего свечения реки). У королевы, как и у всех, кто проживал лишь в одном Лондоне, не было необходимости различать столицы. Правители одного города говорили о правителях другого просто «другие», «соседи», а иногда и вовсе далеко не лестными словами, особенно если речь заходила о Белом Лондоне.

Но тем немногим, кто мог перемещаться из одного Лондона в другой, нужно было четко их разграничивать. Поэтому Келл присвоил каждой из столиц свой цвет – по аналогии с исчезнувшим Лондоном, который все называли Черным.

Столица без магии – Серый.

В процветающей империи – Красный.

В голодающей стране – Белый.

По правде говоря, эти города мало походили друг на друга, а уж страны – и того меньше. Загадкой было даже то, почему все они назывались «Лондон», хотя, согласно общепринятой теории, одна из столиц получила это название давным-давно – еще до того, как все двери были запечатаны и короли и королевы смогли обмениваться лишь письмами. Однако по вопросу о том, какой из городов получил это название первым, единого мнения не было.

– «Надеемся узнать, что вы в добром здравии, – говорилось далее в письме королевы, – и что погоды в вашем городе такие же ясные, как и в нашем».

Келл замолчал. Больше ничего не было – только подпись. Король Георг нахмурился.

– Неужели это все? – спросил он.

Келл помялся.

– Нет, – сказал он, сложив письмо. – Это только начало.

Он кашлянул и зашагал по комнате, собираясь с мыслями и подлаживаясь под стиль королевы.

– «Благодарю вас за то, что спросили о здоровье нашей семьи, – пишет она. – Король и я в добром здравии, однако принц Рай по-прежнему поражает и бесит в равной степени. Впрочем, за этот месяц он хотя бы не свернул себе шею и не нашел себе неподходящей пары. Благодарение одному лишь Келлу за то, что он удержал принца от этих и других неразумных поступков».

Келлу очень хотелось, чтобы королева остановилась на его заслугах подробнее, но как раз в эту минуту часы на стене пробили пять, и он еле слышно выругался. Келл опаздывал.

– «Прощаюсь до следующего письма, – поспешно закончил он. – Будьте здоровы и счастливы. С любовью, ее величество Эмира, королева Арнса».

Келл подождал, пока король что-нибудь скажет, но слепые глаза монарха смотрели в никуда, и Келл испугался. Он положил письмо на чайный поднос и

пошел было к двери, как вдруг монарх заговорил.

– У меня нет письма для нее, – пробормотал он.

– Ничего страшного, – тихо сказал Келл. Король много лет не мог написать письмо. Несколько месяцев он наугад водил пером по пергаменту, потом стал диктовать Келлу письма, а теперь чаще всего передавал устные сообщения.

– Понимаете, у меня не было времени, – добавил король, пытаясь сохранить остатки достоинства. Келл не стал с ним спорить.

– Понимаю, – согласился он. – Я передам королевской семье привет от вас.

Келл опять повернулся к двери, но старый король вновь его окликнул:

– Погодите, погодите! Вернитесь.

Келл остановился и взглянул на часы. Уже поздно, и он все сильнее опаздывает. Он представил, как принц-регент сидит за своим столом в Сент-Джеймс, вцепившись в стул и медленно закипая. При этой мысли Келл улыбнулся и вернулся к Георгу, а тот неловко вытащил что-то из-под мантии.

Монета.

– Запах исчезает, – пояснил король, держа монету аккуратно, словно хрупкую драгоценность. – Я больше не чувствую магии, не ощущаю роз.

– Монета – это всего лишь монета, ваше величество.

– Вовсе нет, и вы это знаете, – буркнул Георг. – Выверните карманы.

Келл вздохнул.

– У меня будут неприятности.

– Не волнуйтесь, – хмыкнул король. – Это наш маленький секрет.

Келл засунул руку в карман. Много лет назад, впервые посетив короля Англии, он дал ему монету – в подтверждение того, кто он и откуда. Монарх был посвящен в историю других Лондонов, которая передавалась по наследству, но странник не приходил уже много лет. Король Георг глянул на щуплого мальчишку, прищурился, протянул руку ладонью вверх, и Келл положил туда монету. Это была простая крона, очень похожая на местный шиллинг, только с красной звездой, а не с портретом монарха. Король зажал монету в кулаке и, поднеся к носу, вдохнул ее аромат. Потом он улыбнулся, спрятал монету под плащом и пригласил Келла войти.

С тех пор король всякий раз жаловался Келлу, что монета утратила магию, и просил обменять ее на другую – новенькую, пахнущую розами. Келл всегда говорил, что приносить вещи из других миров запрещено (это и правда категорически запрещалось), и всякий раз король настаивал на их маленьком секрете, после чего Келл со вздохом вручал ему очередную «красную» крону.

И в этот раз он взял старую монету, положил на ладонь Георга новую и бережно сжал пальцы на костлявом кулаке старого короля.

– Да-да, – проворковал больной монарх.

– Счастливо, – сказал Келл на прощанье.

– Да-да, – повторил король. Его внимание рассеялось, он забыл о госте и обо всем на свете.

Угол комнаты был занавешен тяжелыми шторами. Раздвинув их, Келл обнаружил на узорчатых обоях знак. Этот круг, разделенный прямой линией, он нарисовал своей кровью месяц назад. На другой стене, в другой комнате другого дворца, был точной такой же круг. Они напоминали ручки с двух сторон одной двери.

Келл перемещался между мирами, подтверждая свое право кровью. Не нужно было точно определять место в одном мире, поскольку он всегда оказывался точно там же, только в другом. Но чтобы перемещаться внутри мира, необходимо было помечать обе стороны «двери» полностью совпадающими символами, ведь почти такой же – не значит одинаковый. Келл узнал это на горьком опыте.

Символ, оставшийся на стене с последнего визита, виднелся четко, только края чуть-чуть смазались. Но это не имело значения. Его все равно придется перерисовывать.

Келл закатал рукав и высвободил нож, пристегнутый к внутренней стороне предплечья. Это была славная вещица – настоящее произведение искусства из серебра от кончика до рукоятки, с выгравированными буквами «К» и «Л».

Единственное напоминание о жизни до дворца – жизни, которой Келл не знал или, вернее, не помнил.

Келл поднес лезвие к тыльной стороне предплечья. Сегодня он уже сделал один надрез – для двери, через которую пришел сюда, а теперь сделает второй. Ярко-рубиновая кровь выступила на коже, и Келл, засунув нож обратно в ножны, коснулся пальцами пореза, а затем стены. Проделав это несколько раз, он обновил круг, разделенный прямой линией. Затем опустил рукав – он обрабатывал все порезы сразу, как только возвращался домой, – и, взглянув напоследок на невнятно бормочущего короля, плотно прижал ладонь к знаку на стене.

Тот загудел магией.

– Ас Тасцен, – сказал Келл. «Перенеси».

Узорчатые обои покрылись рябью, размякли и прогнулись под его нажимом. Келл шагнул в другой мир.

II

Всего один широкий шаг – и мрачный Виндзор превратился в изящный Сент-Джеймс. Душная комната сменилась яркими гобеленами и блеском начищенного серебра, а бормотание безумного короля – гнетущей тишиной. За изящным столом сидел человек с бокалом вина в руке – казалось, он был в крайнем раздражении.

– Вы опоздали, – отметил принц-регент.

– Извините, – сказал Келл, еле заметно поклонившись. – У меня были дела.

Принц-регент поставил бокал на стол.

– Я думал, у вас дела со мной, мастер Келл.

Келл выпрямился.

– Согласно предписаниям, ваша светлость, я должен сначала увидеться с королем.

– Лучше ему не потакать, – отмахнувшись, возразил принц-регент, которого тоже звали Георгом (Келл считал, что привычка называть сыновей именами отцов в Сером Лондоне приводит к ненужным повторам и путанице). – Это его бодрит.

– А это плохо? – спросил Келл.

– Для него – да. Потом он впадает в безумие: пляшет на столах, толкует о магии и прочих Лондонах. Какую шутку вы сыграли над ним в этот раз? Убедили, что он умеет летать?

Келл допустил эту ошибку лишь однажды. В следующий свой визит он узнал, что король Англии чуть не вышел в окно третьего этажа.

– Уверяю вас, никаких шуток не было.

Принц Георг потер переносицу.

– Он больше не держит язык за зубами, как раньше, поэтому и сидит в четырех стенах.

– В заточении?

Принц провел рукой по позолоченному краю стола.

– Виндзор – приличное место.

«Приличная тюрьма – все равно тюрьма», – подумал Келл и вручил Георгу второе письмо.

Принц не пригласил его сесть, сам прочитал записку (он никогда не уточнял, какими там цветами пахло), а затем достал из внутреннего кармана начатый ответ и дописал его. Георг явно тянул время, пытаясь досадить Келлу, но тому было все равно. Он лишь постукивал пальцами по краю позолоченного стола. Всякий раз, когда Келл перебирал все пальцы от мизинца до указательного, одна из множества свечей в комнате гасла.

– Какие здесь сквозняки, – рассеянно сказал он, и принц-регент судорожно стиснул перо. Дописав же записку, и вовсе разломал его надвое. Настроение принца испортилось, а у Келла заметно улучшилось.

Он протянул руку за письмом, но Георг не отдал его и встал из-за стола.

– Что-то я засиделся. Прогуляйтесь со мной.

Келл не пришел в восторг от этой мысли, но, поскольку не мог уйти с пустыми руками, пришлось подчиниться. Однако сначала он незаметно спрятал в карман последнее, еще не сломанное перо, лежавшее на столе.

– Вы сразу обратно? – спросил принц-регент, проведя Келла по коридору к потайной двери, наполовину закрытой шторой.

– Да, почти сразу, – ответил Келл, отставая на полшага. В коридоре к ним присоединились два королевских стражника. Чувствуя на себе их взгляды, Келл задавался вопросом, что им известно о сегодняшнем госте. Королевские особы всегда обо всем знали, а осведомленность слуг оставалась на их совести.

– Я думал, вы ведете дела только со мной, – сказал принц.

– Я обожаю ваш город, – небрежно возразил Келл. – К тому же мои путешествия отнимают много сил. Схожу прогуляюсь и подышу свежим воздухом, а затем вернусь обратно.

Губы принца сжались в тонкую непреклонную линию.

– Боюсь, воздух здесь не такой свежий, как в деревне. Как вы там нас называете… Серый Лондон? В последнее время это название уместно как никогда. Останьтесь на ужин.

В конце каждого предложения, даже вопросительного, принц явно ставил точку. Рай говорил точно так же, и Келл полагал, что они оба просто не привыкли к отказам.

– Вам здесь будет лучше, – наседал принц. – Позвольте развеселить вас вином и хорошей компанией.

Приглашение казалось довольно доброжелательным, но принц-регент никогда ничего не делал из доброты.

– Я не могу остаться, – сказал Келл.

– Я настаиваю. Стол уже накрыт.

«Интересно, кто придет», – подумал Келл. Чего добивался принц? Чтобы он продемонстрировал свои способности? Келл подозревал, что именно этого ему и хотелось: молодой Георг считал секреты обременительными. Но, несмотря на все свои недостатки, принц был не дурак, а только глупец предоставил бы Келлу возможность выделиться. В Сером Лондоне давным-давно забыли о магии, и не стоило Келлу напоминать жителям о ней.

– Вы необычайно щедры, ваша светлость, но лучше уж я останусь призраком, нежели стану гвоздем программы.

Келл тряхнул головой, откидывая волосы и открыв не только ярко-голубой левый, но черный правый глаз. Чернота заполняла его от края до края, не было ни белка, ни зрачка. В этом глазе не было ничего человеческого – чистая магия. Метка кровавого мага – Антари.

Келл насладился взглядом принца-регента, когда тот попытался поймать его взгляд: осторожность, беспокойство и… страх.

– Знаете, почему наши миры разделены, ваша светлость? – начал Келл и сам же ответил: – Для вашей безопасности. Понимаете, когда-то давным-давно границ не было. Наши миры соединялись дверями, и любой, кто обладал хоть небольшой силой, мог через них пройти. Да и сама магия могла просочиться. Но особенность магии в том, что она питается и сильными людьми, и слабыми, и один из миров не сумел остановиться. Люди кормились магией, а магия питалась людьми, пока наконец она не уничтожила их всех. Она сожрала тела людей, их разум, а затем и души.

– Черный Лондон, – прошептал принц-регент.

Келл кивнул. Он не присваивал этому городу никакого цвета. Все знали легенду о Черном Лондоне – по крайней мере, все в Красном и Белом, а в Сером – те немногие, кто вообще знал о существовании других миров. Это была сказка на ночь. Волшебная история. Предостережение. Город и целый мир, которого больше нет.

– Знаете, что общего между Черным Лондоном и вашим, ваша светлость? – Принц-регент сощурился, но не стал перебивать. – Им обоим не хватает сдержанности: – Келл слегка улыбнулся. – Вы жаждете власти. Черный тоже. Ваш Лондон существует лишь потому, что границы миров закрыты. И ваш город забыл про магию. Вы же не хотите, чтобы он вспомнил?

Келл не сказал о том, что в жилах Черного Лондона текла могучая магия, а в жилах Серого – ни капельки: он просто хотел донести свою мысль – и, судя по всему, донес. Теперь, когда Келл протянул руку за письмом, молодой Георг не стал возражать. Келл засунул пергамент в карман, где лежало украденное перо.

– Как всегда, благодарю вас за гостеприимство, – сказал он, театрально поклонившись.

Принц-регент подозвал стражника щелчком пальцев.

– Позаботьтесь о том, чтобы мастер Келл благополучно попал туда, куда ему нужно.

Затем, не проронив больше ни слова, он развернулся и зашагал прочь.

Королевские стражники оставили Келла на краю парка. За спиной темнел Сент-Джеймский дворец, а впереди простирался Серый Лондон. Келл глубоко вздохнул и почувствовал в воздухе привкус дыма. Хотя ему не терпелось вернуться домой, нужно было уладить кое-какие дела, и теперь, после встречи с принцем-регентом, Келл мог немного выпить. Поэтому он отряхнул рукава, расправил ворот и зашагал в центр города.

Ноги сами понесли его через Сент-Джеймский парк – по тропинке, петлявшей вдоль реки. Солнце садилось, воздух был свеж, осенний ветерок забирался под полы черной куртки. Келл подошел к пешеходному мостику, перекинутому через ручей, и сапоги негромко застучали по доскам. Он остановился посередине моста: за спиной – ярко освещенный Букингемский дворец, а впереди – Темза. Вода тихо плескалась под деревянными балками. Келл облокотился о перила и посмотрел вниз. Когда он рассеянно провел рукой, течение остановилось и вода застыла – гладкая, как стекло.

Келл уставился на свое отражение.

«Не такой уж ты и красавчик», – сказал как-то принц Рай, заметив, что Келл засмотрелся в зеркало.

«Никак не могу наглядеться», – усмехнулся тогда Келл, хотя смотрел не на себя, а на свой правый глаз. Даже в Красном Лондоне, где процветала магия, Келл всегда выделялся благодаря этой «инородной» отметине.

Справа раздался звонкий смех, затем послышалось ворчанье и еще какие-то неясные звуки. Келл расслабил руку, и ручей внизу снова пришел в движение. Келл продолжил путь, и вскоре парк сменился лондонскими улицами, а вдали показалась громада Вестминстерского аббатства. Келл любил его и кивнул, как старому другу. Несмотря на копоть и грязь, хаос и нищету, этот город обладал качеством, которого не хватало Красному Лондону: стойкостью к переменам. Здесь ценили постоянство и усилия, необходимые для его сохранения.

Сколько лет ушло на строительство аббатства? Сколько оно еще простоит? В Красном Лондоне вкусы менялись так же быстро, как времена года, и по их велению здания поднимались и рушились, а затем поднимались вновь – уже в ином облике. Магия все упрощала. Порой даже чересчур, подумал Келл.

В Красном Лондоне ему порой казалось, что он лег спать в одном месте, а проснулся в совершенно другом. А здесь всегда приветливо ждало неизменное Вестминстерское аббатство.

Келл прошел дальше, по улицам, запруженным экипажами, и направился по узкой дорожке, которая огибала окруженный замшелой каменной стеной двор настоятеля. Постепенно сужаясь, дорожка приводила к таверне под названием «В двух шагах».

Здесь Келл остановился, снял черную куртку и вывернул ее слева направо. Получилась обычная скромная одежда – потрепанная коричневая куртка с высоким воротником и протертыми локтями. Келл накинул ее, похлопал себя по карманам и, довольный своим внешним видом, вошел внутрь.

III

«В двух шагах» на первый взгляд была обычной маленькой таверной.

Стены грязные, полы в пятнах, и Келл точно знал, что ее хозяин, Бэррон, разбавлял напитки, но, несмотря ни на что, он всегда сюда возвращался.

Таверна очаровывала его тем, что, вопреки своему затрапезному виду и еще более затрапезным посетителям, по счастливой случайности или по какому-то умыслу стояла на этом месте всегда. Название, конечно, менялось, так же как и напитки, но в этом самом месте Серого, Красного и Белого Лондона всегда стояла таверна. Это был не «источник магии» в прямом смысле слова, как, например, Темза, Стоунхендж или десятки других менее известных маяков по всему миру, но все же нечто особенное – феномен, точка опоры.

И поскольку Келл вел свои дела именно в этой таверне (какова бы ни была вывеска – «В двух шагах», «Заходящее солнце» или «Обгоревшая кость»), он и сам становился точкой опоры.

Мало кто из людей оценил бы эту поэзию – разве что Холланд, если он вообще хоть что-то ценил.

Но, даже если оставить поэзию в стороне, таверна была идеальным местом для встреч. Сюда стекались немногочисленные чудаки Серого Лондона, верящие в магию и хватающиеся за любые слухи и намеки. Их притягивало чувство чего-то иного, чего-то большего. Келла тоже это привлекало, но, в отличие от них, он знал, что именно их сюда тянуло.

Разумеется, завсегдатаев таверны, падких до магии, притягивало сюда не только обещание чего-то иного, большего. Их интересовал сам Келл или, по меньшей мере, слухи о нем. Молва – разновидность магии, и здесь, в таверне «В двух шагах», имя Келла появлялось на устах так же часто, как разбавленный эль.

Келл принялся рассматривать янтарную жидкость у себя в кружке.

– Добрый вечер, Келл, – сказал Бэррон, долив пива по самый край.

– Добрый вечер, Бэррон, – поздоровался Келл.

Больше они никогда друг другу ничего не говорили.

Хозяин таверны напоминал бы кирпичную стену, если бы кирпичная стена решила отрастить бороду: высокий, широкий и прочный. Конечно, Бэррон повидал немало странностей на своем веку, но, видимо, они ничуть его не тревожили.

А если и тревожили, он умел это скрывать.

Часы на стене за стойкой пробили семь, и Келл достал из кармана безделушку – деревянную шкатулку размером с ладонь, с простым металлическим замочком. Когда он открыл замочек и поднял большим пальцем крышку, шкатулка превратилась в доску для настольной игры с пятью желобками, в каждом из которых помещался символ стихии.

В первом желобке лежал комочек земли.

Во втором помещалась примерно столовая ложка воды.

В третьем – песок, символ воздуха.

В четвертом – капля легко воспламеняющегося масла.

А в пятом, последнем, – обломок кости.

В мире Келла шкатулка и ее содержимое служили не только игрушкой. С их помощью также проверяли, к каким стихиям тянутся дети и какие стихии им подходят. Большинство ребят быстро перерастали эту игру, переходя либо к заклинаниям, либо, как только оттачивали навыки, к более сложным ее вариантам. Набор стихий был настолько прост и популярен, что встречался практически в каждом доме Красного Лондона и, наверное, в самых дальних деревнях за его пределами (хотя Келл и не был в этом уверен). Однако здесь, в городе без магии, он был настоящей диковинкой, и Келл не сомневался, что его клиент будет доволен. Ведь этот человек был настоящим коллекционером.

В Сером Лондоне к Келлу приходили только два типа людей: коллекционеры и энтузиасты.

Коллекционеры были богатыми и пресыщенными. Их абсолютно не интересовала магия – они бы не отличили целебной руны от связывающего заклинания, и Келлу безумно нравилось иметь с ними дело.

А вот энтузиасты доставляли множество хлопот. Они воображали себя настоящими магами и жаждали купить разные вещички вовсе не для того, чтобы ими хвастаться, а для того, чтобы ими пользоваться. Энтузиастов Келл недолюбливал – отчасти потому, что считал их устремления напрасными, а отчасти потому, что, имея с ними дело, ощущал себя чуть ли не предателем. Поэтому, когда к нему подошел молодой энтузиаст, настроение у Келла, ожидавшего увидеть знакомого коллекционера, резко испортилось.

– Занято? – спросил энтузиаст, хотя уже устроился рядом.

– Уходите, – спокойно сказал Келл.

Но тот не ушел.

Долговязый и нескладный, в коротковатой куртке, он положил свои длинные руки на стойку. Обшлага немного задрались, и Келл различил краешек татуировки: плохо нарисованная руна власти, которая связывает тело с магией.

– Они говорят правду? – упрямо продолжал энтузиаст.

– Смотря кто и что говорит, – ответил Келл, захлопнув крышку шкатулки и заперев ее на замочек. Он исполнял этот танец сотни раз. Краем голубого глаза Келл следил за тем, как губы молодого человека складывались в следующее танцевальное па. Будь он коллекционером, Келл бы, возможно, уступил, но людям, которые бредут по воде, утверждая, что умеют плавать, не нужен спасательный плот.

– Что вы приносите штуки, – проговорил энтузиаст, окинув взглядом таверну. – Штуки из других мест.

Келл отпил эля, и энтузиаст принял его молчание за согласие.

– Полагаю, я должен представиться, – продолжал молодой человек. – Эдвард Арчибальд Таттл Третий. Но все зовут меня просто Нед.

Энтузиаст, видимо, ждал, что Келл тоже представится, но, поскольку человек уже явно знал, кто он такой, Келл пренебрег условностями и спросил напрямик:

– Что вам нужно?

Эдвард Арчибальд – «Нед» – заерзал на стуле и заговорщицки подался вперед.

– Горстку земли.

Келл кивнул на дверь.

– В парке не смотрели, Нед?

Молодой человек выдавил из себя нервную ухмылку. Келл допил эль. «Горстка земли». Это напоминало скромную просьбу, но на самом деле все было не так. Большинство энтузиастов знали, что их собственный мир не обладает силой, но

многие верили, что, получив кусочек мира иного, можно будет черпать магию оттуда.

В прежние времена они оказались бы правы. Тогда двери возле источников стояли распахнутыми, сила перетекала между мирами, и всякий, у кого в жилах струилась хоть капля магии и кто обладал вещью из другого мира, мог не только черпать эту силу, но и перемещаться вместе с нею из одного Лондона в другой.

Однако эти времена прошли.

Дверей больше не было – их разрушили много столетий назад, когда Черный Лондон пал, похоронив весь свой мир и оставив после себя лишь легенды. Ныне только Антари обладали достаточной силой, чтобы пробивать новые двери, да и проходить через них могли только они. Антари всегда были большой редкостью, но никто не знал об этом, пока двери не закрылись, а количество Антари не пошло на убыль. Из какого источника они черпали силу, всегда было загадкой (сила не передавалась по наследству), но одно было несомненно: чем дольше миры оставались разделены, тем меньше появлялось Антари.

Похоже, Келл и Холланд были последними представителями этой быстро вымирающей породы.

– Так вы принесете мне земли или нет? – напирал энтузиаст.

Келл перевел взгляд на татуировку на запястье Неда. Многие жители Серого мира не могли взять в толк, что сила заклинания напрямую зависела от силы заклинателя. Насколько силен этот человек?

Криво усмехнувшись, Келл подтолкнул к нему шкатулку.

– Знаете, что это такое?

Нед опасливо коснулся детской игрушки, словно она в любую минуту могла вспыхнуть. Келлу даже захотелось ее воспламенить, но он вовремя сдержался. Энтузиаст повертел в руках шкатулку, нащупал замочек, и игральная доска распахнулась. Символы стихий заблестели в мерцающем свете пивной.

– Вот как мы поступим, – произнес Келл. – Выберите одну из стихий, достаньте ее из желобка – разумеется, не трогая руками, – и я принесу вам земли.

Нед нахмурил лоб. Он взвесил все варианты, после чего ткнул пальцем в символ воды.

– Эта.

«Хватило ума не выбрать кость», – подумал Келл. Повелевать воздухом, землей и водой легче всего – их мог поднимать даже Рай, у которого способности были более чем ниже среднего. Огонь коварнее, а кость труднее всего сдвинуть с места. Это и неудивительно, ведь те, кто умеет двигать кости, умеют двигать тела. Это сильная магия, даже для Красного Лондона.

Рука Неда зависла над игральной доской. Он шепотом обратился к воде на непонятном языке – возможно, на латыни или тарабарском, но уж точно не на литературном английском. Келл насмешливо скривился. У стихий нет языка, вернее, к ним можно обращаться на любом. Важны не слова, а сосредоточенность того, кто их произносит, связь, которую они помогают установить со стихией, и внутренняя сила человека. Одним словом, главное – отнюдь не язык. С тем же успехом Нед мог обратиться к воде на простом английском, но он упорно бормотал какую-то ерунду и при этом водил рукой по часовой стрелке над игральной доской.

Келл вздыхал от скуки, облокотившись о стойку и положив подбородок на ладонь, пока Нед тужился, краснея от напряжения.

Прошло несколько долгих минут, по воде пробежала легкая рябь (возможно, от зевка Келла или оттого, что энтузиаст крепко сжал стойку и тряхнул ее), и поверхность тут же успокоилась.

Нед рассерженно уставился на доску, вены у него вздулись. Он сжал кулак, и Келл испугался, что энузиаст разобьет игрушку вдребезги, но молодой человек просто тяжело опустил руку рядом с ней.

– Понятно, – вздохнул Келл.

– Она не работает, – огрызнулся Нед.

– Что, правда? – спросил Келл, слегка согнув пальцы, и комочек земли, поднявшись из желобка, как бы невзначай улегся в его ладонь.

– Вы уверены? – добавил он, когда легкий порыв ветра подхватил песок и закружил его вокруг запястья. – Возможно, да, – вода собралась в каплю и льдинкой упала в ладонь, – а возможно, и нет, – закончил он, когда вспыхнуло масло в желобке. – Или, возможно, – произнес Келл, когда в воздух поднялся кусочек кости, – в вас просто нет ни капли силы.

Нед таращился на мага, пока символы пяти стихий исполняли маленький танец вокруг его пальцев. Затем Келлу послышалось, как Рай фыркает: «Хвастун!» – и он уронил все элементы так же небрежно, как только что заставил подняться. Земля упала в свой желобок с глухим стуком, лед – со звоном, бесшумно ссыпался песок, а пламя, плясавшее на масле, угасло. Лишь кость осталась висеть в воздухе между ними. Келл засмотрелся на нее, ощущая всю тяжесть алчного взгляда энтузиаста.

– Сколько стоит? – спросил тот.

– Не продается, – ответил Келл, а затем поправил себя: – Вам не продам.

Нед слез с табурета и собирался было уйти, но Келл с ним еще не закончил.

– Что бы вы мне дали, если бы я принес вам земли? – поинтересовался он.

Энтузиаст замер.

– Назовите свою цену.

– Мою цену? – Келл не занимался контрабандой безделушек между мирами за деньги. Деньги – вещь ненадежная. Что делать с шиллингами или фунтами в Красном Лондоне? Их лучше сразу сжечь, а не пытаться купить что-нибудь в Белых переулках. Предположим, деньги можно потратить прямо здесь, но на что? Нет, Келл вел игру другого толка.

– Мне не нужны ваши деньги, – отмахнулся он. – Мне нужно нечто важное. То, что вы не хотели бы потерять.

Нед поспешно кивнул.

– Хорошо, сидите здесь, пока я…

– Не сегодня, – сказал Келл.

– А когда?

Келл пожал плечами.

– Через месяц.

– Вы рассчитываете, что я буду сидеть здесь и ждать?

– Ни на что я не рассчитываю, – передернул плечами Келл. Он знал, что это жестоко, но хотел увидеть, как далеко готов зайти энтузиаст. Если его решение останется твердым и он придет сюда через месяц, Келл принесет ему мешочек земли. – А теперь убирайтесь.

Нед открыл и тут же закрыл рот, а потом засопел и молча побрел к выходу, чуть не врезавшись по пути в маленького очкарика.

Келл поймал висящую в воздухе косточку и положил ее обратно в шкатулку, а очкарик тем временем подошел ближе.

– Что произошло? – поинтересовался он, садясь на освободившийся табурет.

– Ничего особенного, – ответил Келл.

– Это мне? – спросил человек, кивнув на шкатулку.

Келл молча протянул ее коллекционеру. Джентльмен аккуратно взял безделушку, Келл позволил рассмотреть ее со всех сторон, а затем показал принцип действия. Коллекционер раскрыл глаза от удивления.

– Роскошно, роскошно!

Затем коллекционер порылся у себя в кармане, достал что-то завернутое в ткань и с глухим стуком поставил на стойку. Келл откинул ткань и увидел блестящую серебряную шкатулку с миниатюрной заводной ручкой сбоку.

Музыкальная шкатулка. Келл мысленно улыбнулся.

В Красном Лондоне тоже была музыка и музыкальные шкатулки, но большинство играли с помощью волшебства, а не благодаря шестеренкам, и Келл поражался, сколько труда вложено в эти машинки. Серый мир в целом был весьма примитивным, но изредка отсутствие магии подталкивало к изобретательности. Взять хоть музыкальные шкатулки: какой замысловатый, но при этом изящный механизм! Сколько деталей и сколько работы лишь для того, чтобы создать одну короткую мелодию!

– Объяснить вам, что это? – спросил коллекционер.

Келл покачал головой.

– Нет, – тихо сказал он. – У меня уже есть несколько.

Человек насупился.

– Но вас это устроит?

Келл кивнул и начал заворачивать шкатулку в ткань для сохранности.

– Не хотите послушать?

Келлу хотелось, но только не здесь – в этой грязной маленькой таверне, где не насладишься звуком. К тому же пора было домой.

Он оставил коллекционера за стойкой, где тот возился с детской игрушкой, изумляясь, что вода не выливается, а песок не высыпается, как ни тряси. Келл шагнул в темноту и направился к Темзе, прислушиваясь к городским звукам: грохоту экипажей и далеким вскрикам то радости, то отчаяния (хотя их и не сравнить с дикими воплями, зачастую раздававшимися в Белом Лондоне). Вскоре показалась река – черная полоска в темноте, а вдалеке зазвонили все восемь церковных колоколов.

Пора было уходить.

Он добрался до магазина, глухая задняя стена которого выходила к воде, и, остановившись в тени, завернул рукав. Рука уже начинала болеть после первых двух порезов, но Келл вытащил нож и сделал третий, обмакнул пальцы в кровь и приложил их к стене. Затем вынул из-за пазухи монету, – такую же, какую он сегодня отдал Георгу, – и прижал ее к пятну крови на стене.

– Ну что ж, – сказал он. – Пойдем домой.

Он часто замечал, что разговаривает с магией – не повелевает, а просто беседует. Магия была живой, и это знал каждый, но для Келла она была чем-то большим – другом, семьей. В конечном счете, она была его частичкой, и казалось, она понимает слова и чувства Келла, не только когда он ее призывает, но постоянно – при каждом ударе сердца и каждом вздохе.

Как ни крути, он был Антари.

Антари могли разговаривать с кровью, с жизнью, с самой магией – с первой и последней стихией, что живет во всем и не принадлежит никому.

Келл ощутил, как зашевелилась магия, кирпичная стена нагрелась и одновременно охладилась. Он замешкался, проверяя, не откликнется ли магия сама, без просьбы. Однако она ждала его команды. Это магия стихий говорит на любом языке, а магия Антари – подлинная магия, магия крови – говорила только на одном. Келл согнул пальцы.

– Ас Оренсе, – сказал он. «Откройся».

Магия услышала и повиновалась. Мир покрылся рябью, и Келл шагнул через дверь в темноту, сбросив с себя Серый Лондон, точно плащ.

Глава 2. Красный королевский

I

– Санкт! – возвестил Мортимер, открыв свою карту. На ней фигура в капюшоне и со склоненной головой поднимала руну, словно чашу вина. Мортимер ликующе ухмыльнулся.

Перси скривился и швырнул оставшиеся на руках карты рубашкой вверх.

Можно было обвинить Мортимера в обмане, но это не имело смысла. Перси и сам мухлевал битый час, но так ни разу и не выиграл. Он с ворчанием придвинул свои монеты через узкий стол к груде монет Мортимера. Тот собрал выигрыш и принялся тасовать колоду.

– Продолжим? – спросил он.

– Я – пас, – ответил Перси, встав и набросив на плечи плащ с тяжелыми красными и золотыми вставками, расходившимися подобно солнечным лучам. Лязнули многослойные металлические пластины нагрудной брони и ножных щитков.

– Ир час эра, – усмехнулся Мортимер, перейдя с королевского английского на простонародный арнезийский язык.

– Я не злюсь, – буркнул Перси. – Просто на мели.

– Брось, – подмигнул Мортимер. – Бог любит троицу.

– Мне надо отлить. – Перси поправил короткий меч на боку.

– Ну сходи отлей.

Перси замешкался, оглядываясь в поисках чего-нибудь подозрительного. Но ничего такого здесь не наблюдалось. Зал был заполнен молчаливыми красивыми вещами: королевскими портретами, наградами и памятными подарками и столами, за одним из которых они играли. В самом конце зала находились богато украшенные двустворчатые двери из вишневого дерева с эмблемой Арнса – чаша и восходящее солнце. Желобки залиты расплавленным золотом, а над эмблемой светилась золотая буква «Р».

Двери вели в личные покои принца Рая, а Мортимер и Перси, личные охранники принца, караулили снаружи.

Перси любил принца. Конечно, тот был избалован, как и все королевские особы (хотя Перси пока не служил никому другому из королевского рода), но также добродушен и чрезвычайно снисходителен, если дело касалось охраны. Черт возьми, он сам подарил Перси колоду карт – красивых, с позолоченными краями! И порой, после ночной попойки, на время забывал о своем напыщенном английском и беседовал с ними на простонародном языке (а его арнезийский был безупречен). Можно даже сказать, Рай чувствовал себя немного неловко, что стражи всегда на посту, ведь они могли бы гораздо веселее проводить время. Хотя, по правде говоря, чаще всего они не бдили под дверями, а занимались своими делами.

Часто по ночам принц Рай и мастер Келл отправлялись в город, и тогда Перси с Мортимером следовали за ними или вообще освобождались от обязанностей и оставались лишь ради компании, а не для защиты (все знали, что Келл защитит принца лучше любого стража). Однако Келл до сих пор не вернулся. Поэтому вечно неугомонный Рай был не в настроении и рано удалился в свои покои. Перси и Мортимер заступили на вахту, и Мортимер лишил Перси почти всех карманных денег.

Перси сгреб шлем со стола и пошел опорожниться под веселый звон монет, пересчитываемых Мортимером. Перси не спешил: проиграв столько крон, он имел право расслабиться. Когда же он вернулся, с тревогой обнаружил, что зал пуст: Мортимера и след простыл. Перси нахмурился – вот до чего доводит снисходительность! Азартные игры – это еще куда ни шло, но если капитан увидит, что покои принца не охраняются, он придет в ярость.

Карты по-прежнему лежали на столе, и Перси решил убрать их, как вдруг услышал мужской голос, доносившийся из покоев принца, и замер. Само по себе это не было странным, поскольку Рай любил принимать гостей как в платьях, так и в штанах. Принц крови не скрывал своих разнообразных пристрастий, и Перси не пристало обсуждать его наклонности.

Но стражник тотчас узнал голос, и он принадлежал вовсе не одной из пассий Рая. Человек говорил по-английски, однако с акцентом – еще резче арнезийского.

Голос напоминал тень в ночном лесу: тихий, темный и холодный.

Он принадлежал Холланду – Антари из дальних стран.

Перси слегка побледнел. Он преклонялся перед мастером Келлом (за что Мортимер корил его изо дня в день), а вот Холланд его пугал. Перси и сам не знал, в чем тут дело: в ровной интонации, странно неприметной внешности или безумных глазах, один из которых был, конечно, черным, а другой – молочно-зеленым. Или, возможно, дело в том, что он, казалось, сделан из чего угодно, только не из плоти и крови. Как бы там ни было, чужеземный Антари всегда вызывал у Перси дрожь.

Кое-то кто из стражей называл его за спиной «Голый Холланд», но Перси никогда на такое отваживался.

– Что, боишься? – дразнил Мортимер. – Думаешь, он тебя услышит сквозь стены?

– Кто знает, – шептал Перси в ответ. – Может, и услышит.

И вот теперь Холланд находился в комнате принца. «Он что, должен был прийти? Кто же его впустил? И где Мортимер?» – задавался вопросами Перси, заняв место перед дверью. Он не собирался подслушивать, но между створками двери осталась узкая щель, и когда он слегка повернул голову, до него донеслись слова разговора.

– Простите, что без приглашения, – послышался спокойный, низкий голос Холланда.

– Не стоит извиняться, – небрежно ответил Рай. – Какое дело привело вас ко мне, а не к моему отцу?

– У вашего отца я уже был по делу, – заметил Холланд, – а к вам пришел с другим.

Перси покраснел, уловив в голосе Холланда обольщающие нотки. Возможно, лучше было покинуть свой пост, но Перси решил не сдаваться и услышал, как Рай завозился в постели, поправляя подушки.

– В чем же оно состоит? – спросил принц, подхватывая флирт.

– Скоро ваш день рождения, не так ли?

– Да, уже не за горами, – подтвердил принц. – И если ваши король и королева вас отпустят, вы должны присутствовать на торжествах.

– Боюсь, не отпустят, – возразил Холланд. – Но я пришел по поручению своих короля и королевы. Они велели мне доставить подарок.

Принц кашлянул.

– Холланд, – мягко заговорил он, – вы же знаете законы. Я не могу принять…

– Конечно, я знаю законы, юный принц, – успокоил его Холланд, – а подарок выбрал здесь – в вашем городе, от лица своих повелителей.

Последовала долгая пауза, после чего Рай встал.

– Очень хорошо, – согласился он.

Перси услышал шорох: принц взял подарок и снимал упаковку.

– Зачем это нужно? – спросил он после долгого молчания.

Холланд не то улыбнулся, не то усмехнулся – Перси никогда раньше не слышал такого звука.

– Для силы, – сказал Антари.

Рай начал что-то говорить, но в ту же минуту во всем дворце принялись бить яасы и заглушили конец беседы между Холландом и принцем. Эхо колоколов все еще гуляло в зале, когда дверь открылась и из нее вышел Холланд. Он вперил свои разноцветные глаза в королевского стража, захлопнул дверь и смиренно вздохнул. Затем пригладил черные как смоль волосы и пробурчал:

– Спровадишь одного стража, а другой тут как тут.

Не успел Перси придумать, что ответить, как Антари достал из кармана монету и швырнул в его сторону.

– Меня здесь не было, – сухо проговорил Холланд. В воздух взлетела монета и приземлилась на ладонь стражника. В ту же секунду Перси оказался в зале один и смотрел на крону, не понимая, как это она оказалась у него в руке, и чувствуя, что о чем-то забыл. Перси сжал монету, упорно пытаясь поймать ускользающее воспоминание.

Но у него ничего не вышло.

II

Даже ночью река светилась красным.

Когда Келл оказался на набережной в другом Лондоне, гладкая черная полоса Темзы сменилась теплым, ровным свечением Айла. Он сверкал словно драгоценность, неся свои алые воды через весь Красный Лондон.

Источник силы. Артерия магии.

Одни считали, что магия исходит из разума. Другие полагали, что из души, сердца или воли.

Но Келл знал, что магия – в крови.

Кровь – проявленная магия. Там она расцветает, и ее она отравляет. Келл видел, что бывает, когда сила воюет с телом, как пожирает его и окрашивает кровь черным. Если красный – цвет правильной магии, гармоничного соотношения силы и человечности, то черный – цвет неуравновешенного, неупорядоченного, необузданного колдовства.

Поскольку Келл был Антари, он состоял из равновесия и хаоса. Кровь в его жилах была здорового алого цвета, цвета Айла Красного Лондона, но правый глаз блестел чернотой, как разлитые чернила.

Келлу хотелось верить, что его сила исходит только из крови, однако его лицо было омрачено печатью темной магии. Она смотрела на него из каждого зеркала и отражалась во всех обычных глазах, расширявшихся от изумления или страха. Она гудела у него в голове всякий раз, когда он прижимал окровавленную руку к стене и призывал силу.

Но кровь Келла никогда не темнела, оставаясь настоящей и красной, как Айл.

Кровь Лондона.

Королевский дворец возвышался над рекой, соединяя оба берега, словно мост из стекла, бронзы и камня. Его называли «Сонер Раст» – «Бьющееся сердце» города. Его изогнутые шпили сверкали, словно посыпанные переливающимся бисером.

Люди стекались к речному дворцу денно и нощно. Некоторые шли сюда для того, чтобы подать прошения королю или королеве, но многие приходили именно к Айлу. Маги медитировали на берегу реки и черпали из нее силу, местные жители просто прогуливались, а гости из арнезийской глубинки любовались видами, возлагая по всему берегу цветы – лилии, цикламены и азалии.

Келл замешкался в тени магазина, взглянул на дворец, похожий на солнце, вечно восходящее над городом, и на краткий миг увидел его восхищенными глазами гостя.

Но затем в руке запульсировало, и он поморщился, снова повесил монету на шею и направился к реке.

На берегах Айла кипела жизнь. Ночная торговля была в самом разгаре.

В цветных шатрах при свете реки, фонарей и луны продавали все, начиная от еды и заканчивая всякими безделушками, как магическими, так и простыми сувенирами. То девушка предлагала лилии тем, кто хотел возложить цветы на ступени дворца. То старик выставлял напоказ десятки красивых бус из полированной гальки, которые, согласно поверьям, усиливали власть над стихией.

Едва уловимый аромат цветов растворялся в запахах жареного мяса и свежих овощей, душистых специй и глинтвейна. Человек в темных одеждах зазывал покупать засахаренные сливы, а женщина рядом с ним продавала магические кристаллы. Другой торговец разливал дымящийся чай по низким стеклянным кубкам напротив яркого ларька с масками и палатки, где торговали крошечными пузырьками со слабо светившейся речной водой.

Ночной базар жил, бурлил и процветал круглый год. Торговцы постоянно менялись, но энергия оставалась прежней – она была такой же неотъемлемой частью города, как и животворящая река.

Келл прошел вдоль самого берега, петляя по вечерней ярмарке, наслаждаясь вкусом и запахом воздуха, смехом и музыкой, магическим гулом.

Уличный фокусник показывал стайке ребятишек трюки с огнем. Когда из его пригоршни вырвалось пламя в виде дракона, один мальчик оступился от удивления и повалился прямо под ноги Келлу. Но прежде чем он упал на булыжную мостовую, Келл подхватил его и поставил на ноги.

Протараторив «спасибосэризвините», паренек вдруг заметил черный глаз Келла, и глаза мальчишки – оба карие – расширились.

– Матье! – крикнула женщина.

Мальчик вырвался из рук Келла и спрятался за ее спиной.

– Простите, сэр, – сказала она по-арнезийски, качая головой. – Не знаю, что на него…

Но затем женщина увидела лицо Келла, и слова застыли на губах. Из приличия она не отвернулась и не убежала, как сын, нет, она поступила еще хуже: поклонилась, причем так низко, что Келл испугался, как бы и она не упала.

– Авен Келл, – выдохнула женщина.

У Келла свело желудок, и он потянулся к ней, чтобы остановить поклон, надеясь, что никто пока ничего не заметил, но было уже поздно.

– Он… не смотрел, – пробормотала женщина, подыскивая слова на английском – королевском наречии. Это еще больше покоробило Келла.

– Я сам виноват, – мягко сказал он по-арнезийски, все же подхватив женщину под локоть.

– Он просто… просто… не узнал вас… в этой одежде. – Она явно обрадовалась, что Келл заговорил с ней на простонародном языке.

Келл окинул взглядом свой наряд: он по-прежнему был в потрепанной коричневой куртке, а не в каком-нибудь нарядной одежде. И дело не в том, что он забыл переодеться, просто хотел насладиться атмосферой праздника, затерявшись среди приезжих и местных, но его хитрость была раскрыта. Он почувствовал, что новость о том, кто пришел на ярмарку, рябью побежала по толпе.

Когда Келл отпустил руку женщины, люди перед ним расступились, а смех и крики сменились благоговейным шепотом.

Вот Рай умело выходил из неловкого положения, извлекая из него пользу. А Келлу хотелось просто исчезнуть.

Он попробовал выдавить улыбку, но понял, что она больше напоминает гримасу. Поэтому Келл пожелал женщине и ее сыну спокойной ночи и быстро пошел вдоль реки, минуя шушукавшихся торговцев, покупателей и простых зевак. Он

не оглядывался, но голоса преследовали его до самых ступеней королевского дворца, усыпанных цветами.

Стражи не двинулись с мест – лишь слегка склонили головы, когда Келл поднимался по лестнице. Он обрадовался, что большинство из них не поклонились – лишь страж Рая, Перси, не выдержал, но все же остался в рамках приличий. Келл на ходу сбросил с себя куртку и вывернул ее справа налево. Когда он снова сунул руки в рукава, они уже были не изорванными и засаленными. Они были из дорогой ткани и сияли таким же алым цветом, как и воды Айла, протекающего под дворцом.

Цветом королевских особ Красного Лондона.

Келл остановился на верхней ступеньке, застегнул блестящие золотые пуговицы и вошел внутрь.

III

Он застал их во дворе, где они пили чай на свежем воздухе, под пожелтевшими деревьями.

Король и королева сидели за столом, а Рай, растянувшись на диване, без умолку болтал о своем дне рождения и связанных с ним торжествах.

– Это называется день рождения, – сказал король Максим, широкоплечий великан с ясными глазами и черной бородой, не отрывая глаз от стопки важных бумаг. – Один день, а не несколько, ну и, разумеется, не целая неделя рождения.

– Двадцать лет! – воскликнул Рай, взмахнув пустой чайной чашкой. – Двадцать! Попраздновать пару дней не зазорно. – Его янтарные глаза лукаво блеснули. – К тому же половина торжеств устраивается для народа – как я могу людям в этом отказать?

– А другая половина? – спросила королева Эмира. Ее длинные темные волосы были заплетены золотистой лентой и собраны в толстую косу за спиной.

Рай победно улыбнулся.

– Ты должна подыскать мне пару, матушка.

– Да, – кивнула она, рассеянно переставляя чашки, – но я не стану ради этого превращать дворец в бордель.

– Какой еще бордель?! – воскликнул Рай, поправив густые черные волосы и сдвинув набок золотой венец. – Это просто эффективный способ оценивания множества необходимых качеств… а вот и Келл! Он продолжит мою мысль.

– По-моему, она кошмарная, – откликнулся Келл.

– Предатель! – буркнул Рай с притворной обидой.

– Но он все равно это сделает, – добавил Келл, подходя к столу. – Почему бы вам не закатить вечеринку прямо здесь, во дворце, где проще уберечь его от неприятностей – ну, или хотя бы свести их к минимуму.

Рай просиял.

– Логично, логично, – пробасил он, подражая низкому голосу отца.

Король отложил в сторону бумагу и посмотрел на Келла.

– Как прошло путешествие?

– Оно оказалось дольше, чем хотелось бы, – ответил Келл, перебирая плащи, куртки и шаря по карманам, пока наконец не нашел письмо принца-регента.

– Мы уже начали волноваться, – сказала королева Эмира.

– Король приболел, а принц еще хуже, – пояснил Келл, передавая записку. Король Максим взял ее и отложил в сторону, не читая.

– Присядь, – пригласила королева. – Ты какой-то бледный.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил король.

– Нормально, сэр, – ответил Келл, с радостью опускаясь на стул. – Просто устал.

Королева протянула руку к щеке Келла. Ее величество была смуглой, как и все прочие члены королевской семьи, казавшиеся отполированными деревянными статуями с карими глазами и черными волосами. Келл со своей светлой кожей и волосами цвета меди чувствовал себя белой вороной. Королева смахнула волосы с его лица: она всегда искала правдивый ответ в правом глазу Антари, словно в магическом кристалле, где можно увидеть прошлое, но никому не рассказывала о своих открытиях. Келл взял ее руку и поцеловал.

– Со мной все хорошо, ваше величество.

Она пристально взглянула на него, и Келл поправился:

– Матушка.

Слуга подал сладкий чай с мятой, и Келл сделал большой глоток. Пока родственники разговаривали, он витал в облаках под убаюкивающее журчание их голосов.

Когда начали слипаться глаза, Келл попросил разрешения уйти. Рай вскочил с дивана вслед за ним. Келл не удивился. Он почувствовал на себе пристальный взгляд принца, как только присоединился к семье за чаепитием. Оба пожелали королю и королеве спокойной ночи, и Рай отправился за Келлом во дворец, машинально трогая золотой венец, надетый на черные кудри.

– Что я пропустил? – поинтересовался Келл.

– Не так уж много, – ответил Рай. – Заходил Холланд.

Келл нахмурился. Красный Лондон поддерживал гораздо более тесные связи с Белым, нежели с Серым Лондоном, но эти отношения все-таки были рутинными. Холланд почти на неделю выбился из графика.

– С чем ты сегодня пришел? – спросил Рай.

– С мигренью, – хмыкнул Келл, протирая глаза.

– Ты знаешь, о чем я, – возразил принц. – Что ты пронес через ту дверь?

– Всего пару корон, – Келл широко развел руки и добавил с ухмылкой: – Обыщи, если хочешь.

Рай понятия не имел, сколько сторон у плаща Келла. Тот уже отвернулся и зашагал по коридору, считая вопрос исчерпанным, но принц вдруг схватил его за плечи и прижал к стене так, что портрет королевской четы, висевший рядом, качнулся. Часовые насторожились, однако не сдвинулись с места.

Келл был высоким и на год старше Рая, но худым. Ну а Рай был сложен как античная статуя и отличался соответствующей силой.

– Только не лги мне, – предупредил он.

Губы Келла сжались в тонкую линию. Два года назад Рай подловил его: не то чтобы поймал с поличным, но все же вывел на чистую воду. Как-то летней ночью они выпивали вдвоем на одном из множества дворцовых балконов. Внизу светился Айл, над головой раскинулись небеса, и Келл рассказал Раю о сделках, заключенных в Сером, Белом и даже порой в Красном Лондоне, о различных штуковинах, пронесенных контрабандой. Рай смотрел на него и внимательно слушал. Потом он не стал читать Келлу наставлений, а просто спросил:

– Зачем?

– Не знаю, – ответил Келл, и это было правдой.

Осоловевший Рай поднялся.

– Разве нам чего-нибудь не хватает? – спросил он, явно расстроенный. – Разве ты в чем-то нуждаешься?

– Нет, – мотнул головой Келл. Это было правдой и в то же время ложью.

– Разве ты не окружен любовью? – прошептал Рай. – Разве тебя не принимают как родного?

– Но я же не родной, Рай, – возразил Келл. – На самом деле я никакой не принц, хотя король и королева пожаловали мне этот титул. Я чувствую себя… вещью.

После этих слов Рай ударил его кулаком в лицо.

Келл еще неделю ходил с подбитым глазом, так что черными казались оба. Он никогда больше не поднимал эту тему и надеялся, что Рай так напился, что забыл этот разговор, но тот все помнил. Рай ничего не рассказал ни королю, ни королеве, и Келл считал себя его должником, но теперь всякий раз, когда он путешествовал, приходилось терпеть расспросы принца крови, словно Келл занимался чем-то совершенно дурацким.

Рай наконец отпустил Келла.

– Ну зачем тебе это все?

– Это весело, – с улыбкой пояснил Келл.

Рай покачал головой.

– Послушай, я довольно долго закрывал глаза на твой ребяческий бунт, но эти двери были заперты неспроста, – предостерег он. – Контрабанда – это измена.

– Это просто безделушки, – возразил Келл, снова зашагав к двери. – Все безопасно, поверь.

– Как же, – буркнул Рай. – Опасность появится, если родители когда-нибудь узнают…

– Хочешь им рассказать?

Рай вздохнул. Келл видел, как он пару раз порывался что-то ответить, но не мог подобрать слова. Наконец признался:

– Я бы отдал тебе все что угодно.

У Келла защемило в груди.

– Знаю.

– Ты – мой брат. Мой лучший друг.

– Знаю.

– Тогда прекрати эти дурачества сам, пока я не положил им конец.

Келл выдавил усталую полуулыбку.

– Осторожнее, Рай, – сказал он. – Ты начинаешь говорить как король.

Принц скривился.

– Когда-нибудь я им стану, и мне нужно, чтобы ты был рядом.

Келл улыбнулся в ответ:

– Поверь, мне тоже этого хотелось бы.

И это было правдой.

Рай похлопал его по плечу и пошел спать. Келл засунул руки в карманы и посмотрел ему вслед. Жители Лондона, да и всей страны обожали принца. А как его не обожать? Молодой, красивый и добрый. Пожалуй, он слишком часто и слишком успешно играл роль повесы, но за лукавым взглядом и постоянными игривыми шуточками скрывались острый ум и добрые намерения – желание всех вокруг осчастливить. У него было мало способностей к магии и еще меньше интереса к ней, но недостаток силы с лихвой возмещался обаянием. К тому же из своих путешествий в Белый Лондон Келл узнал, что магия только портит правителей.

Он направился к дубовым дверям своих покоев. В открытые балконные двери лилось красное свечение Айла, гобелены матерчатыми облаками вздымались и опадали под высоким потолком. Роскошная кровать с балдахином, перинами и шелковым бельем манила к себе. Келл собрал всю свою волю, чтобы не повалиться на нее, и прошел в другую комнату, поменьше, заставленную шкафами с книгами по магии, включая те немногие, что Келл сумел отыскать на тему Антари и заклинаний крови (когда двери в Черный Лондон закрыли, большинство книг о магии были уничтожены). Он закрыл за собой дверь, рассеянно щелкнул пальцами, и на полке зажглась свеча. В ее неярком свете он различил несколько меток на тыльной стороне двери: перевернутый треугольник, несколько параллельных линий, круг… Простые, легко запоминающиеся значки. Они отмечали двери, ведущие к различным местам Красного Лондона. Келл остановил взгляд на метке посредине: две пересекающиеся черты. «Начали», – подумал он, прижал пальцы к самому свежему порезу на руке, где еще не засохла кровь, и начертил метку.

– Ас Тасцен, – устало сказал он.

Стена прогнулась от прикосновения, и его личная библиотека превратилась в тесную каморку. Тишина королевских покоев сменилась шумом таверны внизу и городским шумом за ее стенами.

Над дверью таверны покачивалась вывеска «Ис кир айес» – «Рубиновые поля». Хозяйкой заведения была старуха по имени Фауна, с бездонной глоткой моряка-пропойцы и премерзким характером. Келл когда-то давно заключил с ней сделку (и ему казалось, что Фауна уже тогда была старухой), и каморка наверху лестницы стала его комнатой.

Обшарпанная и ужасно тесная, не развернуться, но зато целиком и полностью принадлежащая ему. На окно и дверь он наложил не совсем законные заклинания, и теперь никто не смог бы отыскать эту комнату или даже догадаться о ее существовании. На первый взгляд, каморка казалась совершенно пустой, но, если присмотреться внимательнее, все пространство под койкой и ящики комода были забиты коробками, а в этих коробках хранились сокровища Келла из всех Лондонов.

Он тоже считал себя коллекционером.

Непосвященным он демонстрировал только сборник стихов, стеклянный шар, наполненный черным песком, и три географические карты. Автором стихов был человек по фамилии Блейк. Этот сборник подарил Келлу коллекционер из Серого Лондона еще год назад, и надпись на корешке уже почти полностью стерлась. Стеклянный шар – безделушка из Белого Лондона, в которой можно было увидеть свои сны, но Келл ее пока еще не опробовал.

Три карты висели в ряд, прикрепленные кнопками, и служили единственным украшением каморки. Издали их можно было принять за карту одной и той же островной страны, но общим было лишь слово «Лондон» на всех трех картах. Серый Лондон. Красный Лондон. Белый Лондон. Слева висела карта Великобритании – от пролива Ла-Манш до самой оконечности Шотландии, с тщательно прорисованными деталями. В то же время на карте справа не было почти никаких подробностей. Страна называлась Макт, ею правили безжалостные близнецы Даны, и ее границы постоянно менялись. Карту в центре Келл знал лучше всего, ведь это была его родина – Арнс. Название страны было написано изящным шрифтом вдоль всего острова, хотя Лондон находился на самом краю империи.

Три совершенно разных Лондона в трех совершенно разных странах, и Келл – один из немногих живущих, кто видел их все. Ирония заключалась в том, что он никогда не видел мира за пределами этих городов. Находясь на службе у короля и королевы, Келл должен всегда быть где-то поблизости, и потому он никогда не удалялся от того или иного Лондона больше, чем на один день пути.

Все тело ломило от усталости. Келл потянулся и сбросил с себя плащ. Он порылся в карманах, нашел сверток с музыкальной шкатулкой и, аккуратно опустив его на кровать, бережно развернул. Фонари в комнате разгорелись ярче, когда он поднес безделушку к свету. Неловко двинув рукой, Келл почувствовал боль, отложил шкатулку в сторону и переключился на комод, где стояли тазик с водой и несколько кувшинов. Келл закатал рукав куртки, промыл раны и принялся обрабатывать их мазью. Можно было исцелиться командой крови «Ас Хасари», но она не предназначалась для самих Антари, во всяком случае не для мелких ран, и отнимала энергии больше, нежели возвращала здоровья. Порезы на руке уже и сами начали затягиваться. Антари быстро исцелялись из-за обилия магии в жилах, и к утру неглубокие отметины должны были полностью исчезнуть, а кожа разгладиться. Келл собирался опустить рукав, как его внимание привлек маленький блестящий шрам. Так было всегда. В локтевом сгибе линии настолько расплылись, что символ стал почти неразборчивым.

Почти, но не совсем.

Келл жил во дворце с пяти лет и впервые заметил этот знак в двенадцать. Много недель искал он эту руну во дворцовых библиотеках.

«Память».

Он провел большим пальцем по шраму. Вопреки своему названию, символ служил не для того, чтобы помнить, а для того, чтобы забыть.

Забыть минуту, день, целую жизнь. Однако магия, связывавшая тело или разум человека, была не просто запрещена – за нее присуждали к высшей мере. Осужденных лишали силы, и кое-кто считал подобную участь в мире, управляемом магией, горше смерти. И все-таки Келл носил на себе знак этого заклятья. Более того, он подозревал, что это одобряли сами король и королева.

«KL».

Инициалы на ноже. Он многого не знал (и никогда не узнает) о своем оружии, этой метке и связанной с ними жизни. Буквы английские или арнезийские? Ведь они встречаются в обоих алфавитах. Что означают «K» и «L»? Он не помнил своего имени, и потому эти буквы превратились в «Келл». Когда его привели во дворец, Келл был еще ребенком. Нож был с ним всегда или принадлежал отцу? Это оружие, которое он всегда брал с собой, – напоминание о чем-то? Так кем же он был? Келла мучило отсутствие воспоминаний. Он часто ловил себя на том, что смотрел на центральную карту на стене, задаваясь вопросом, откуда он и кто его родные.

Как бы там ни было, его родители были не Антари. Хотя магия живет в крови, она не передается вместе с кровью – от отца к ребенку. Она выбирает свой путь и собственную форму. От сильных людей порой рождаются слабые, и наоборот. У водных магов часто появляются дети – повелители огня, а у целителей – маги земли. Силу нельзя взращивать, как урожай, в противном случае Антари можно было бы сеять и жать. Идеальные сосуды, способные управлять любой стихией, чертить любые заклинания, повелевать окружающим миром при помощи собственной крови. Они были орудиями, а в преступных руках – и оружием. Вероятно, лишив их права наследования, природа тем самым уравновесила чаши весов и поддерживала мировой порядок.

По правде говоря, никто не знал, что приводит к рождению Антари. Некоторые думали, что это дело случая и везения. Другие утверждали, что Антари – божества, от природы наделенные величием. Некоторые ученые, например Тирен, полагали, что Антари – результат перехода магии между мирами, переплетения различных ее видов. Потому их так мало. Но какова бы ни была истинная причина их появления, большинство людей считали Антари святыми избранниками магии, благословленными и отмеченными ею.

Келл рассеянно поднес пальцы к правому глазу.

Независимо от всех этих верований, факт оставался фактом: Антари встречались все реже и ценность их росла. Их собирали, оберегали и лелеяли – ими владели. И, хотя Рай не хотел этого признавать, Келл входил в королевскую коллекцию.

Он взял серебряную музыкальную шкатулку и повернул крохотную металлическую ручку.

Ценная вещица, подумал Келл, но все равно безделушка. Зазвучала тихая музыка, и шкатулка затрепетала в ладони, словно птичка, но он не выпустил ее, а крепко держал в руках и слушал, откинувшись на жесткую койку и любуясь прекрасным маленьким устройством.

Как он вообще очутился на этой королевской полке с безделушками? Что случилось, когда его глаз почернел? Он таким родился и его спрятали или магическая метка проявилась позже? Пять лет – пять лет! – он был сыном каких-то других людей. Они отпустили его с грустью или с благодарностью преподнесли в дар короне?

Король и королева не желали рассказывать о его прошлом, и Келл научился не задавать лишних вопросов, но сейчас усталость размыла дамбу, и вопросы хлынули с новой силой.

О какой жизни он забыл?

Келл досадливо покачал головой. Сколько способен запомнить пятилетний ребенок? Кем бы он ни был до того, как его привели во дворец, это уже не имело значения.

Того мальчика больше не было.

Механизм захрипел, и музыка смолкла. Тогда Келл снова завел шкатулку и закрыл глаза. Мелодия Серого и воздух Красного Лондона погрузили его в сон.

Глава 3. Серая воровка

I

Лайла Бард руководствовалась в жизни простым правилом: если вещь ценная, ее нужно взять.

Она поднесла карманные часы к слабому свету уличного фонаря, любуясь блеском серебра и пытаясь угадать, что означали инициалы Л.Л.Э., выгравированные на задней стороне. Лайла стащила их у одного джентльмена. Якобы случайное столкновение на многолюдном тротуаре, торопливые извинения, рука ложится на плечо, отвлекая внимание от другой – в кармане чужого пальто. Пальцы у Лайлы не только проворные, но и легкие, как пушинка. Она коснулась цилиндра и мило пожелала спокойной ночи, став счастливой обладательницей серебряных часов, тогда как прежний их хозяин зашагал дальше, даже не подозревая, что чего-то лишился.

Лайлу не интересовал сам предмет, но очень привлекало то, что на него можно было купить: свобода. Конечно, слабое оправдание воровству, но это все же лучше, чем тюрьма или богадельня. Девушка провела большим пальцем в перчатке по стеклянному циферблату.

– Время не подскажете? – спросил мужской голос у нее за спиной.

Лайла обернулась и увидела констебля.

Она поднесла руку к цилиндру, который неделю назад украла у задремавшего кучера, и понадеялась, что этот жест сойдет за приветствие, а не за нервную попытку прикрыть лицо.

– Половина десятого, – пробормотала она низким голосом, засунув часы в жилетный карман. Только бы констебль не заметил целого ассортимента оружия, блестевшего под плащом. Лайла была высокая и худая, с мальчишеской фигуркой, и в мужской одежде ее легко было принять за юношу, если, конечно, не приглядываться.

Лайла знала, что надо развернуться и уйти, пока не поздно, но когда констебль с досадой взглянул на свою погасшую трубку и стал шарить по карманам в поисках спичек, она неожиданно для себя подняла с земли щепку. Поставив одну ногу на цоколь фонарного столба, Лайла ловко подтянулась, чтобы зажечь палочку от огня. Свет фонаря упал на ее лицо, и в груди приятно затрепетало от близкой опасности. Лайла в который раз задумалась, что же с ней не так. Бэррон тоже постоянно об этом твердил, но ведь Бэррон – зануда.

«Нарываешься на неприятности, – говорил он. – Будешь искать их, пока не найдешь».

«Неприятности сами нас ищут, пока не найдут, – возражала она. – Лучше уж найти их первой».

«Почему тебе так хочется умереть?»

«Вовсе не хочется, – отвечала она. – Наоборот, мне хочется жить».

Лайла спустилась, и ее лицо вновь оказалось в тени, как только она передала констеблю горящую щепку. Тот буркнул «спасибо», раскурил трубку, пыхнул пару раз и собирался уже уйти, но замешкался. У Лайлы екнуло сердце, когда он посмотрел на нее повнимательнее.

– Вам следует быть осторожнее, сэр, – наконец сказал он. – Не ходите ночью один по улице, а не то могут обчистить карманы.

– Грабители? – спросила Лайла, стараясь говорить низким голосом. – Только не в Итоне.

– И тем не менее.

Констебль достал из кармана плаща сложенный вчетверо лист бумаги. Лайла протянула руку и взяла его, хотя уже поняла, что это портрет разыскиваемого преступника. Она уставилась на зарисовку, точнее, неясный набросок человека в полумаске и широкополой шляпе.

– Обчищает карманы, ограбил даже пару джентльменов и одну леди. Мы, конечно, были готовы к неприятностям, но только не в этом районе. Очень дерзкий мошенник.

Лайла подавила улыбку. Это была правда. Одно дело – промышлять по мелочовке на Южном берегу, и совсем другое – красть серебро и золотишко из карет на Мэйфэйр. Но воры почему-то настолько глупы, что промышляют в трущобах. Бедняки всегда начеку, а богачи важно расхаживают, полагая, что им ничего не угрожает, пока они находятся в приличном районе. Однако Лайла знала, что приличных районов не бывает. Есть только люди – смышленые или бестолковые, и ей хватало ума, чтобы отличить одних от других.

Она вернула плакат и вежливо прикоснулась к цилиндру, прощаясь с констеблем.

– Тогда буду присматривать за своими карманами.

– Да, уж постарайтесь, – вздохнул констебль. – Сейчас уже не так, как было раньше. Все меняется…

Он побрел прочь, попыхивая трубкой и бормоча о том, куда катится мир или что-то в этом духе – Лайла не расслышала из-за стука крови в ушах.

Едва он скрылся из виду, Лайла облегченно вздохнула и прислонилась к фонарному столбу. Голова кружилась от радости. Девушка сняла цилиндр, посмотрела на маску и широкополую шляпу, засунутые внутрь, и мысленно улыбнулась. Затем она снова надела цилиндр, оттолкнулась от столба и направилась к докам, насвистывая на ходу.

II

«Морской король» был далеко не таким внушительным, как можно было бы подумать из-за названия.

Краску разъела соль, деревянный корпус местами прогнил наполовину, а в других местах – полностью. Казалось, посудина вот-вот медленно погрузится в Темзу.

Вероятно, корабль пока еще держался на плаву только благодаря доку, состояние которого было немногим лучше. Лайла не раз думала о том, как однажды и судно, и дощатый док одновременно не выдержат и обрушатся в мутную воду залива.

Пауэлл утверждал, что «Морской король» по-прежнему крепок, и божился, что хоть сейчас готов выйти в открытое море. Но Лайла считала, что корабль готов развалиться даже от небольших волн лондонского порта.

Девушка ступила на мостки, и доски затрещали под ее сапогами. Дрожь отдалась по всему судну, как будто оно противилось ее приходу. Не обращая внимания, Лайла взобралась на борт, на ходу распутывая завязки плаща у горла.

Все тело ныло от усталости, но она все равно совершила ночной ритуал: добралась до корабельного носа и тронула штурвал. Холодное дерево под ладонями, легкое покачивание палубы – все как полагается. Лайла Бард чувствовала, что рождена стать пиратом. Просто ей нужно хорошее судно, и как только оно появится… Ветерок подхватил полы плаща, и Лайла закрыла глаза, представив, как рассекает волны в открытом море – вдалеке от Лондона и от какой-либо суши. Морской ветер насквозь продувает потрепанные рукава. Океанские волны плещутся о борта корабля. Аромат свободы – подлинной свободы – и приключений. Девушка вздернула подбородок, почувствовала щекотку воображаемых соленых брызг, глубоко вдохнула морской воздух и улыбнулась. Открыв глаза, она с сожалением обнаружила, что «Морской король» все так же неподвижно стоит в доке.

Лайла оттолкнулась от перил и направилась через всю палубу а свою каюту. Доски гулко вторили ее шагам, и девушка впервые за ночь почувствовала себя в безопасности. Она прекрасно знала, что безопасности здесь нет и в помине, что ее не найти нигде в городе – даже в шикарной карете на Мэйфэйр, не говоря уж о полусгнившем судне в сомнительном доке. Но это чувство скрытости от чужих

глаз было сродни безопасности. Никто не следил за тем, как Лайла пересекла палубу. Никто не видел, как она спустилась по крутым ступенькам в недра корабля. Никто не шел вслед за ней по сырому коридорчику до каюты в самом конце.

Узел на горле наконец развязался, Лайла скинула плащ с плеч и швырнула на койку, которая стояла вплотную возле стены каюты. Туда же отправился и цилиндр, содержимое которого вывалилось на темное покрывало. В углу стояла почти погасшая угольная печка. Лайла разворошила золу и зажгла сальные свечи, расставленные по всей каюте. Затем девушка стянула перчатки и тоже кинула их на койку. Наконец сняла кожаный ремень вместе с кобурой и кинжалом. Разумеется, это было еще не все оружие, но остальное Лайла снимала только в случае крайней необходимости. Нож – обычный, хоть и чрезвычайно острый, – она бросила на кровать к остальным вещам, а вот кремневый револьвер аккуратно положила в ящик стола. Кастер (у хорошего оружия всегда есть собственное имя) был прекрасен. Девушка забрала его у какого-то богатого мертвеца еще в прошлом году.

Пока Лайла добиралась до доков, ночное возбуждение развеялось, и теперь девушка устало развалилась на стуле. Подобно судну, тот резко и недовольно заскрипел, когда она забросила ноги в сапогах на стол. Потертую деревянную столешницу загромождали карты, в основном свернутые, но одна была расстелена и прижата камешками и краденными безделушками. Лайла любила ее больше всего, потому что на ней не было никаких надписей. Наверняка кто-то знал, что это за карта, но только не Лайла. Для нее это была карта неведомого мира.

На столе стояло большое зеркало с мутной кромкой, прислоненное к стене. Лайла поймала собственный взгляд, слегка поморщилась и поправила темные растрепанные волосы, которые щекотали скулы.

Лайле было девятнадцать, и каждый год оставил свою метку. Девушка потрогала веки, оттянула кожу на щеках, провела пальцем вдоль губ. Давным-давно никто не называл ее красивой.

Не то чтобы Лайла хотела быть красивой – красота не принесла бы ей пользы. Господь свидетель, она не завидовала леди, затянутым в корсеты и наряженным в пышные юбки, с писклявым глупым смехом. Не завидовала тому, как они умело падали в обморок и опирались на руки мужчин, притворяясь слабыми и

беспомощными.

Лайла абсолютно не понимала, зачем притворяться слабой.

Она попыталась представить себя одной из тех леди, которых она обокрала в эту ночь, и улыбнулась: как же легко запутаться во всех этих одеждах и споткнуться! Сколько женщин флиртовали с ней, падали в обморок, опирались на ее руку и притворялись, что восхищены ее силой?

Лайла припомнила сегодняшнюю добычу.

Неплохо.

Так им и надо – пусть не прикидываются слабыми. Может, теперь-то они перестанут падать в обморок, едва завидев цилиндр, и хвататься за каждую протянутую руку.

Лайла запрокинула голову, уперевшись затылком в решетчатую спинку стула. Она слышала, как Пауэлл пил у себя в каюте, ругался и травил байки выгнутым стенам гниющего судна. Он рассказывал истории о землях, которых никогда не видел, о девицах, за которыми никогда не ухаживал, и о сокровищницах, которых никогда не расхищал. Он был лжецом, пьяницей и глупцом (она не раз наблюдала его во всех трех ипостасях в трактире «Бесплодный прилив»), но у него была лишняя каюта, а Лайла нуждалась в жилье, так что они договорились. Ей приходилось делиться добычей в благодарность за гостеприимство, а он взамен закрывал глаза на то, что сдает комнату преступнику, разыскиваемому полицией, – точнее, преступнице.

Пауэлл, как всегда, разглагольствовал в своей каюте. Он мог говорить часами, но Лайла настолько привыкла к этим звукам, что вскоре они растворялись в скрипах, тресках и шорохах старого «Морского короля».

Она уже склонила голову. засыпая, как вдруг кто-то постучал в дверь три раза. Вернее, постучал дважды – поскольку был слишком пьян, а на третий раз просто провел рукой по дереву. Лайла сняла ноги со стола и тяжело опустила их на пол.

– В чем дело? – крикнула она, встав, когда дверь распахнулась. В проеме стоял Пауэлл, шатаясь от выпивки и легкой качки.

– Лааааайла, – произнес он нараспев. – Лааааайлаааааа.

– Что?

В левой руке Пауэлла была полупустая бутылка, и он протянул к девушке правую руку ладонью вверх.

– Моя доля.

Лайла достала из кармана пригоршню монет. Большинство оказалось медяками, но блестело и несколько серебряных. Она отобрала их и опустила в ладонь Пауэлла. Тот сжал кулак и звякнул деньгами.

– Маловато, – нахмурился он, когда девушка ссыпала медяки обратно в карман. Лайла подумала о серебряных часах в кармане жилета, но решила не отдавать. Во-первых, они ей приглянулись, а во-вторых, если баловать Пауэлла такими дорогими вещами, он быстро к этому привыкнет.

– Так себе ночка, – сказала она, скрестив руки. – Завтра возмещу разницу.

– От тебя много неприятностей, – невнятно проворчал Пауэлл.

– Неужели? – дружелюбно парировала Лайла и растянула губы в ухмылке.

– Больше, чем ты стоишь, – продолжил он. – Точно больше.

– Остаток принесу завтра, – твердо сказала девушка. – Вы пьяны. Идите спать.

Лайла хотела закрыть дверь, но Пауэлл схватил девушку за локоть.

– Я возьму свое, – сказал он с ухмылкой.

– Я же сказала, что не…

Бутылка выпала из руки Пауэлла, когда он прижал Лайлу к столу.

– Не обязательно монетами, – прошептал он, скользнув взглядом по ее манишке. – Под этой мужской одеждой девка.

И тут Лайла заехала ему коленом в живот. Пауэлл, шатаясь, попятился.

– Зря ты это сделала, – зарычал он, побагровев, и начал возиться с ременной пряжкой. Недолго думая, Лайла дернула ящик стола, где лежал пистолет, но Пауэлл вскинул голову, ринулся вперед и, схватив ее запястье, рванул к себе. Он толкнул ее на койку, и Лайла упала прямо на вещи, лежавшие на покрывале.

Она схватила нож и, когда Пауэлл вцепился ей в колено и дернул к себе, обнажила клинок. Пауэлл стиснул другую руку Лайлы, а она привстала и загнала клинок ему в живот.

На этом потасовка в тесной каютке закончилась.

Пауэлл уставился на торчащий из живота нож и раскрыл от удивления рот. Лайле на миг показалось, что это его не остановит, но она все же умела орудовать ножом – знала, как причинить боль и как нанести смертельный удар.

Пауэлл сжал ее плечи, но вдруг покачнулся, нахмурился, и колени его подогнулись.

– Зря ты это затеял, – шепнула девушка и выдернула нож. В следующую секунду Пауэлл рухнул на пол.

Лайла минуту смотрела на тело, пораженная тишиной, которую нарушало лишь ее сердцебиение да плеск воды о корпус корабля, а потом пнула мертвеца носком сапога.

Умер.

Умер и насвинячил.

Кровь растекалась по полу, заполняя щели и просачиваясь в трюм. Нужно что-то делать. Причем немедленно.

Лайла присела на корточки, вытерла клинок о рубашку Пауэлла и достала серебро из его кармана. Потом она переступила через тело, вынула револьвер из ящика стола и оделась. Застегнув на поясе ремень и набросив на плечи плащ, Лайла подняла с пола бутылку виски, которая чудом не разбилась при падении. Немного подумав, вытащила зубами пробку и вылила жидкость на Пауэлла, хотя в крови у него было столько алкоголя, что он загорелся бы и так.

Девушка взяла свечу и уже хотела поднести ее к телу Пауэлла, как вдруг вспомнила про карту неведомых земель на столе… Сложив ее и спрятав под плащ, Лайла в последний раз окинула взглядом каюту, после чего подожгла мертвеца – и корабль вместе с ним.

Лайла стояла в доке и смотрела, как горит «Морской король».

Лицо согревал огонь: кровавые отблески плясали на подбородке и щеках – такие же отсветы отбрасывала горящая щепка, когда она стояла перед констеблем. «Жаль, – подумала Лайла. – Лучше бы он сгнил». Но это же все равно не ее корабль. Нет, ее корабль будет намного лучше.

«Морской король» скрипел, пламя пожирало его плоть, а Лайла наблюдала, как мертвое судно опускалось на дно. Она стояла, пока не услышала далекие крики и топот: люди спешили тушить пожар, но было слишком поздно.

Потом девушка вздохнула и пошла искать новое место для ночлега.

III

Бэррон стоял на ступеньках таверны «В двух шагах», рассеянно глядя в сторону доков, когда к нему подошла Лайла с цилиндром и картой под мышкой. Проследив за его взглядом, она увидела зарево пожара над крышами домов и призрачный дым на хмуром ночном небе.

Сначала Бэррон сделал вид, будто не заметил девушку, и она не могла его осуждать. В последний раз, когда они виделись, он выгнал ее за воровство (хотя

обокрала она, конечно, не Бэррона, а посетителя), и Лайла ушла в бешенстве, проклиная хозяина и его кабачок.

«Куда ты уходишь?» – крикнул он ей тогда вслед громовым голосом – так громко он еще никогда не орал. «Поищу приключений», – огрызнулась она, не оглядываясь.

Сейчас Лайла неспешно шла по булыжной мостовой, а Бэррон посасывал сигару.

– Так быстро вернулась? – спросил он, не глядя на нее. Лайла поднялась по ступенькам и прислонилась к двери таверны. – Уже нашла приключения? Или они нашли тебя?

Лайла не ответила. Она слышала, как внутри таверны звенели кружки и гоготали пьяные мужчины, напивавшиеся все сильнее. Она ненавидела эти звуки – ненавидела таверны вообще, но только не эту. Все другие отталкивали ее, вызывали отвращение, а это место притягивало, словно магнит. Даже если Лайла не собиралась сюда идти, она всегда оказывалась именно здесь. Сколько раз за последний год ноги сами приводили ее к этим ступенькам? Сколько раз она почти заходила внутрь? Впрочем, Бэррону не следовало об этом знать. Она увидела, как хозяин таверны запрокинул голову и уставился в небо, словно там можно было различить что-то, кроме туч.

– Что с «Морским королем»? – спросил он.

– Сгорел.

Лайла ухмыльнулась, когда Бэррон вскинул брови от удивления. Ей нравилось удивлять Бэррона, хотя это было не так-то легко сделать.

– Как сгорел?

– Ну ты же знаешь, как это бывает, – сказала Лайла, пожав плечами. – Старое дерево отлично горит.

Бэррон внимательно посмотрел на нее, а затем выдохнул дым.

– Пауэлл был неосторожным… с этим бригом.

– Ага, – кивнула Лайла, барабаня пальцами по цилиндру.

– От тебя пахнет гарью.

– Знаешь, мне… нужно снять комнату.

Слова застревали в горле.

– Странно, – произнес Бэррон, еще раз пыхнув сигарой. – Я хорошо помню, как ты советовала мне взять свою таверну со всеми ее убогими комнатками и засунуть себе…

– Времена меняются, – перебила девушка и, выдернув сигару у него изо рта, глубоко затянулась.

Бэррон уставился на нее в свете фонаря.

– У тебя все нормально?

Лайла смотрела на струйку дыма, которую выпустила в воздух.

– Да, у меня всегда все нормально.

Она вернула сигару и достала из жилетного кармана серебряные часы – теплые и гладкие. Лайла сама не понимала, чем они ей так нравились. Возможно, потому что это она их выбрала. Она украла их и оставила у себя. Лайла протянула часы Бэррону.

– Этого хватит на пару ночей?

Хозяин таверны взглянул на часы, протянул руку и отстранил их.

– Оставь себе, – небрежно сказал он. – Я знаю, что ты исправно платишь.

Лайла спрятала безделушку обратно в карман, с радостью ощущая вес в руке, и вдруг осознала, что придется начинать с нуля. Ну, почти с нуля – если не считать цилиндра, карты неведомых земель и океанов, нескольких ножей, кремневого револьвера, горстки монет и серебряных часов.

Бэррон распахнул дверь, но, когда она уже собралась войти, преградил ей путь.

– Никого здесь не трогай. Понятно?

Лайла холодно кивнула.

– Я надолго не задержусь, – пообещала она. – Пока дым не рассеется.

Из дверного проема донесся звон разбитого стекла, Бэррон вздохнул и шагнул внутрь, бросив через плечо:

– С возвращением.

Лайла тоже вздохнула и посмотрела вверх, но не в небо, а на верхние окна грязного маленького трактира. Да, это не пиратский корабль – символ свободы и приключений.

«Пока дым не рассеется», – повторила она про себя.

Возможно, все не так уж плохо. В конце концов, она вернулась в таверну не с поджатым хвостом. Она здесь скрывалась. Она в розыске, а значит, кому-то нужна. Лайла улыбнулась над этой шуткой.

На столбе рядом с дверью колыхался листок бумаги – такой же, какой показывал ей констебль. Лайла с ухмылкой взглянула на фигуру в широкополой шляпе и маске, уставившуюся на нее с плаката под словом «РАЗЫСКИВАЕТСЯ». Это ее окрестили «Вором-призраком», а вора нарисовали ужасно высоким и худым, в черном плаще. Страшным персонажем из леденящих кровь сказок и легенд.

Лайла подмигнула призраку и вошла внутрь.

Глава 4. Белый трон

I

– Наверное, лучше устроить маскарад…

– Сосредоточься.

– …или костюмированный бал. Что-нибудь яркое, сверкающее.

– Прошу тебя, Рай, не отвлекайся.

Принц сидел на стуле с высокой спинкой, забросив на стол ноги в сапогах с золотыми пряжками и перекатывая в ладонях стеклянный шар. Пять сфер, служившие емкостями для стихий, были более затейливым вариантом той игры, которую Келл сбыл с рук в таверне. Четыре все еще лежали в темном деревянном ящикес золотыми уголками, обитом изнутри шелком. Рай держал в руках шар с горсткой земли, слегка его наклоняя то в одну, то в другую сторону.

– Многослойные костюмы, которые можно постепенно снимать, – продолжал он.

Келл вздохнул.

– Можно начать вечер при полном параде, а закончить…

– Ты даже не пытаешься.

Рай тоже вздохнул. Он со стуком опустил ноги на пол, выпрямился и зажал между колен стеклянный шар.

– Хорошо, – сказал он. – Полюбуйся моими магическими способностями.

Принц уставился на землю внутри сферы и, пытаясь сосредоточиться, еле слышно обратился к ней по-английски. Земля даже не шелохнулась. Келл

смотрел, как Рай щурится, сосредотачивается, шепчет и выжидает. Это все больше выводило его из себя. Наконец земля пусть нехотя, но все-таки чуть сдвинулась внутри стеклянного шара.

– Получилось! – воскликнул Рай.

– Ты качнул его, – сказал Келл.

– Никогда в жизни!

– Попробуй еще.

Рай застонал и откинулся на спинку стула.

– Слушай, Келл, вот что со мной не так?

– Все так, – возразил Келл.

– Я говорю на одиннадцати языках, – прошипел Рай, – на языках тех стран, которых никогда не видел и вряд ли когда-нибудь увижу. Но я не могу сдвинуть с места комочек земли или поднять в воздух капельку воды! Меня это бесит! – рявкнул он. – Почему язык магии настолько трудный, что я не могу им овладеть?

– Потому что стихии нельзя подчинить одним обаянием, улыбкой или статусом, – охотно пояснил Келл.

– Они меня не уважают, – сказал Рай с кислой ухмылкой.

– Земле у тебя под ногами все равно, что ты – будущий король. Воде в твоей чашке тоже. Да и воздуху, которым ты дышишь. Нужно говорить с ними как с равными, а еще лучше – просить.

Рай вздохнул и потер глаза.

– Знаю, знаю. Я просто хочу…

Принц осекся.

Келл нахмурился. Рай казался искренне расстроенным.

– Хочешь чего-нибудь?

Принц поднял голову и встретился взглядом с Келлом.

– Хочу выпить, – сказал он, уходя от ответа, встал со стула, пересек комнату и, подойдя к банкетному столу у стены, налил себе рюмку. – Я стараюсь, Келл. Я хочу быть хорошим или хотя бы стать лучше. Но все не могут быть…

Рай сделал глоток и махнул рукой в сторону Келла.

Тот предположил, что Рай забыл слово «Антари», но принц сказал:

– …такими, как ты.

– Что мне сказать? – вздохнул Келл, потерев лоб. – Я один из таких.

– Вас двое, – поправил Рай.

Келл поморщился.

– Как раз собирался спросить. Что здесь делал Холланд?

Рай пожал плечами и побрел обратно к ящику со стихиями.

– То же, что и всегда. Доставлял почту.

Келл посмотрел на принца. Что-то здесь не так. Рай нервничал, когда лгал, и Келл заметил, что принц переминался с ноги на ногу и постукивал пальцами по открытой крышке ящика. Келл не стал больше допытываться, протянул руку и выбрал стеклянный шар с водой. Растопырив пальцы, он удерживал его на ладони.

– Ты чересчур стараешься.

Келл приказал воде двигаться, и она сначала закружилась внутри сферы, а затем завертелась маленьким смерчем.

– Это трудно, – насупился Рай. – Ты делаешь вид, что это легко, но на самом деле это не так.

Келл не хотел говорить Раю, что ему даже не нужно говорить с водой, чтобы заставить ее двигаться. Он просто мысленно произносил слова, а стихия внимала и откликалась. Поток магии, струившийся сквозь воду, песок, землю и другие стихии, струился и сквозь него, поэтому он мог управлять ими, словно собственными руками или ногами. Единственное исключение – кровь. Хотя в ней есть тот же магический поток, кровь не подчиняется законам стихий – ею нельзя манипулировать, приказывать ей двигаться или останавливаться. Кровь обладает собственной волей, и с ней следует обращаться не как с предметом, но как с равным существом. Поэтому Антари и стояли особняком. Ведь они владычествовали не только над стихиями, но и над кровью. Если призывание стихий служило лишь для концентрации ума, для достижения слияния с магией (как медитативный распев и в то же время призыв), то кровь подчинялась только командам. Когда Келл открывал двери и залечивал раны своей кровью, он отдавал приказания. Чтобы тебе подчинялись, необходимо приказывать.

– Какой он? – неожиданно спросил Рай.

Келл отвлекся от стеклянного шара, в котором кружилась вода.

– Он?

– Другой Лондон.

Келл замялся. На одной из стен висела магическая доска. Обычные гладкие черные доски, висевшие по всему городу, служили для передачи сообщений, а эта была покрыта заколдованной водой, на поверхности которой отражались мысли, воспоминания и образы. Конечно, доска использовалась и как зеркало, но с ее помощью делились своими мыслями с другими, когда их нельзя было передать словами или просто не хватало слов.

При помощи доски Келл мог показать Раю другие Лондоны такими, какими видел их сам. Эгоистическая сторона его натуры хотела поделиться с братом, чтобы не чувствовать себя таким одиноким – чтобы кто-нибудь другой тоже увидел и обо всем узнал. Но Келл обнаружил странную вещь: люди не очень-то и хотели знать. Им казалось, будто они хотят, но знание лишь делало их несчастными. К чему забивать голову вещами, которыми нельзя воспользоваться? Зачем мечтать о краях, куда невозможно попасть? Что толку от этого Раю, который, несмотря на все привилегии королевской особы, никогда не попадет в другой Лондон?

– Скучный, – наконец ответил Келл, поместив шар обратно в ящик. Как только он оторвал пальцы от стеклянной поверхности, смерч развеялся, а вода с хлюпаньем улеглась. Рай хотел было задать еще один вопрос, но Келл ткнул в шар, который держал принц, и велел попробовать еще раз.

Рай снова попытался поднять землю внутри шара, и опять ничего не получилось. Он вскрикнул от злости и швырнул сферу через весь кабинет.

– Я ни на что не гожусь!

– Практика…

– …ни черта не дает, и ты это знаешь!

– Твоя проблема, Рай, в том, – Келл чуть улыбнулся, – что ты хочешь научиться магии ради самой магии. Хочешь научиться ей только потому, что считаешь, будто она поможет заманивать людей в постель.

У Рая дернулись губы.

– Не вижу никакой проблемы, – сказал он. – К тому же это правда. Я видел, как девушки, да и парни млеют от твоего прелестного черного глаза! – Он резко вскочил на ноги. – Забудем об уроке. Я не в настроении. Пошли лучше погуляем.

– Что-что? – переспросил Келл. – Значит, ты можешь заманивать людей в свою постель при помощи моей магии?

– Отличная мысль, – ухмыльнулся Рай. – Но нам нужно идти, потому что у нас есть планы.

– Вот как?

– Да-да, если только ты не планируешь на мне жениться – и пойми меня правильно: по-моему, из нас получилась бы эффектная супружеская чета, – мне нужно найти себе пару.

– И ты рассчитываешь найти ее, шляясь по городу?

– Нет, конечно, – сказал Рай с кривой усмешкой. – Но я хотя бы от души повеселюсь.

Келл закатил глаза, поднял сферу с землей и убрал ее в ящик.

– Продолжим, – сказал он.

– Может, хватит? – жалобно простонал Рай.

– Мы закончим, – ответил Келл, – как только ты научишься удерживать пламя.

Из всех стихий лишь к огню Рай проявлял… нет, не талант (это слишком сильное слово), а, скорее, способность. Келл поставил на стол перед принцем скошенное металлическое блюдо, кусок белого мела, склянку с маслом и странное маленькое приспособление: две скрещенных почерневших деревяшки со стержнем посредине. Рай вздохнул, начертил мелом вокруг блюда ограничительный круг, затем вылил масло в тарелку: по центру образовалась лужица – не больше десятикороновой монеты. Наконец принц поднял запал. Когда Рай крепко сжал пальцы и потер деревяшки друг о друга, он высек из стержня искру, которая упала в лужицу масла, и оно загорелось.

На поверхности лужицы размером с монету заплясало маленькое голубое пламя. Рай хрустнул пальцами, повертел шеей и закатал рукава.

– Пока не погас огонь, – поторопил его Келл.

Рай быстро взглянул на него, поднес обе ладони к ограничительному меловому кругу и обратился к огню, но не по-английски, а по-арнезийски. Это был более плавный, вкрадчивый язык, приученный к магии. Принц монотонно шептал слова, которые, казалось, приобретали зримую форму.

К их обоюдному изумлению, все получилось. Пламя в тарелке побелело и выросло, поглотив остатки масла и продолжая гореть уже без него. Оно покрыло всю поверхность блюда и ярко разгорелось прямо под носом у Рая.

– Смотри! – крикнул он, тыча в зеленый свет. – Смотри, у меня получилось!

Рай был прав. Но хотя он уже перестал разговаривать с огнем, тот все больше разгорался.

– Не отвлекайся, – сказал Келл, видя, как белое пламя уже начало лизать края мелового круга.

– Что?! – выкрикнул Рай, когда огонь изогнулся и прижался к ограничительному кольцу. – Никакой похвалы? – Он отвернулся от пламени и посмотрел на Келла, проведя пальцами по столу. – Хотя бы…

– Рай, – предупредил Келл, но было слишком поздно. Задев круг рукой, принц смазал меловую черту.

Огонь вырвался на волю.

Он сразу охватил весь стол, и Рай чуть не опрокинулся на стуле, пытаясь от него увернуться.

Одним движением Келл выхватил нож, полоснул им по ладони и прижал окровавленную руку к столешнице.

– Ас Анасаэ, – приказал он: «Рассейся».

Заколдованный огонь мгновенно угас, как не бывало. У Келла закружилась голова.

Рай стоял ни жив ни мертв.

– Прости, – выдохнул он. – Прости, зря я…

Рай терпеть не мог, когда Келлу приходилось обращаться к магии крови, и считал себя лично ответственным за это жертвоприношение. Однажды он причинил Келлу много боли и до конца не простил себя за это. Келл взял тряпку и вытер порезанную руку.

– Все нормально, – сказал он, отбрасывая тряпку. – Со мной все нормально, но я думаю, на сегодня хватит.

Рай кивнул, покачнувшись.

– Я бы выпил еще, – сказал он. – Чего-то покрепче.

– Заметано, – ответил Келл с усталой улыбкой.

– Послушай, мы же сто лет не были в «Страсна Авен», – предложил Рай.

– Не надо нам туда ходить. – На самом деле Келл подразумевал: «Я тебя туда не пущу». Вопреки своему названию – «Благодатные воды», – таверна превратилась в притон для подозрительных личностей.

– Да брось, – поморщился Рай, снова переходя на шутливый тон. – Возьмем Перси с Мортимером, переоденемся стражами…

В эту минуту кто-то кашлянул, Рай и Келл обернулись и увидели в дверях короля Максима.

– Сэр, – сказали они в один голос.

– Мальчики, как продвигается учеба?

Рай тяжело посмотрел на Келла, тот поднял брови, но произнес лишь:

– Сегодня неплохо. Мы как раз закончили.

– Хорошо, – кивнул король, доставая письмо.

Келл не понимал, как сильно ему хотелось выпить вместе с Раем, пока не увидел конверт и понял, что этого сделать не удастся. Сердце у него оборвалось, но он не подал вида.

– Ты должен доставить послание нашему могущественному соседу, – продолжил король.

В груди Келла все сжалось от странного, хорошо знакомого страха, смешанного с интересом. Страх и интерес всегда были неразрывны, когда дело касалось Белого Лондона.

– Конечно, сэр.

– Холланд доставил вчера письмо, – пояснил король, – но не смог дождаться ответа. Я сказал, что отправлю его с тобой.

Келл нахмурился.

– Надеюсь, все хорошо? – осторожно спросил он. Ему редко удавалось узнать содержание королевских посланий, но он улавливал интонацию: переписка с Серым Лондоном давно переросла в простую формальность, поскольку между городами было мало общего, тогда как с Белым Лондоном постоянно шел напряженный диалог. Их «могущественного соседа», как король Максим называл другой город, раздирали на части жажда насилия и борьба за власть: подписи на королевских письмах сменялись с пугающей быстротой. Проще всего было просто прекратить переписку с Белым Лондоном, пришедшим в упадок, но Красный не мог, да и не хотел этого делать.

Его жители чувствовали себя ответственными за погибающий город.

И они действительно несли за него ответственность.

В конце концов, именно Красный Лондон принял решение закрыть двери, после чего Белый оказался в ловушке между Красным и Черным. Ему пришлось в одиночку сражаться с черной чумой и ограждать себя от безумной магии. Это решение много столетий не давало покоя королям и королевам, однако в ту пору Белый Лондон был сильным – даже сильнее Красного, и Красная корона считала (по крайней мере, на словах), что только так все они смогут выжить. Она была права и неправа одновременно. Серый Лондон впал в тихое забвение, а Красный не только выжил, но теперь даже процветал. Белый же изменился безвозвратно. Некогда блистательный город погрузился в пучину хаоса и войн, кровопролития и насилия.

– Все как нельзя лучше, – ответил король, протянул Келлу записку и пошел к двери. Келл направился вслед за ним, как вдруг Рай схватил его за руку.

– Пообещай, – шепнул он еле слышно, – что вернешься с пустыми руками.

Келл замялся.

– Обещаю, – наконец сказал он.

Сколько раз произносил он эти слова? Келл задумался, доставая из-за воротника тусклую серебряную монету.

Возможно, хоть в этот раз он сдержит обещание.

II

Келл шагнул в другой мир и поежился. Красный Лондон исчез, а вместе с ним исчезло и тепло. Сапоги ступили на холодный булыжник, изо рта вырвалось облачко пара, и Келл поспешил застегнуть куртку – черную с серебряными пуговицами.

«Присте ир Эссен. Эссен ир Присте».

«Сила в равновесии. Равновесие в силе». Девиз, мантра и молитва. Эти слова, начертанные под королевской эмблемой Красного Лондона, можно было встретить как в магазинах, так и в домах обычных людей. В мире Келла магия не

считалась неисчерпаемым или основным источником. Ею пользовались, но не злоупотребляли, обращаясь с нею почтительно и осторожно.

В Белом Лондоне были другие правила.

С магией здесь не обходились на равных – ее покоряли, порабощали, контролировали. Если Черный Лондон впустил в себя магию, которая взяла верх и поглотила его, то, памятуя о падении этого города, Белый Лондон выбрал противоположную тактику: он связывал силу всеми возможными способами. «Сила в равновесии» стала «Силой в господстве».

Когда люди пытались управлять магией, она сопротивлялась, сжималась, зарывалась в землю, чтобы до нее нельзя было добраться. Люди скребли ногтями поверхность мира, пытаясь выкопать хотя бы немного магии, но ее было очень мало и становилось все меньше – так же, как и людей, стремившихся ее отыскать. Казалось, магия решила взять своих поработителей измором и медленно, но верно добивалась цели.

У этой борьбы оказался также побочный эффект, из-за чего Келл и назвал Белый Лондон белым: каждая пядь города и все его жители днем и ночью, летом и зимой были покрыты белесой пеленой – тонким слоем то ли измороси, то ли пепла. Здешняя магия, озлобленная и алчная, погребла под собой жизнь, тепло и цвета, высосав их отовсюду и оставив после себя лишь бесцветный раздувшийся труп.

Келл повесил на шею монету Белого Лондона и заправил ее за воротник. Его черная куртка ярко выделялась на блеклом фоне городских улиц. Келл сунул в карман порезанную руку, чтобы яркий цвет крови не привлек внимания прохожих. За его спиной тянулась жемчужная полоска наполовину замерзшей реки (здесь она называлась не Темза и не Айл, а Сиджлт), а на другом ее берегу до самого горизонта простиралась северная часть города. Впереди же раскинулась южная его часть, и всего в нескольких кварталах королевский замок вонзал в небо острые, как кинжалы, шпили; рядом с этой каменной громадой соседние здания казались карликовыми.

Не теряя времени, Келл направился прямиком к замку.

Он обычно сутулился, скрывая высокий рост, но, шагая по улицам Белого Лондона, выпрямлялся, задирал подбородок, расправлял плечи и громко стучал сапогами по мостовой. И менялась не только его осанка. До?ма Келл скрывал свою силу, а здесь был дальновиднее. Он наполнял воздух магией, и изголодавшийся воздух пожирал ее, нагреваясь и извиваясь струйками пара. Главное – не перейти тонкую грань. Нужно было проявлять силу, но при этом крепко ее удерживать. Дашь слабину – и станешь добычей, немного переборщишь – и станешь чьи-то ценным трофеем.

Теоретически жители города знали о том, что Келл находится под защитой Белой короны. И опять-таки теоретически никто не был настолько глуп, чтобы бросать вызов близнецам Данам. Но жажда энергии и жизни толкала людей на необдуманные поступки.

Поэтому Келл всегда оставался начеку. Он наблюдал за солнцем, клонившимся к западу, по опыту зная, что Белый Лондон кажется спокойным только при свете дня. Ночью город преображался: неестественная, тяжелая, удушливая тишина сменялась шумом – раскатами хохота и криками страсти (некоторые считали, что так можно призвать силу), но чаще всего звуками драк и убийств. Город крайностей – будоражащий, смертоносный. Улицы давным-давно побагровели бы от крови, если бы головорезы не выпивали ее без остатка.

Пока не зашло солнце, униженные и оскорбленные топтались в дверных проемах, свешивались из окон и околачивались в просветах между зданиями. Все они смотрели Келлу вслед: впалые щеки и голодные взгляды, а одежда такая же выцветшая, как и весь город. Блеклыми были их волосы, глаза и кожа, испещренная метками. Эти увечья – клейма и рубцы – наносились специально для того, чтобы привязать магию к собственному телу. Чем слабее были люди, тем больше они уродовали свои тела в безумной попытке удержать хотя бы немного силы.

В Красном Лондоне подобные метки считались зазорными: они оскверняли не только тело, но и саму магию, которую к нему привязывали. Здесь же лишь самые сильные могли пренебрегать метками, но даже для них эти знаки ассоциировались не с осквернением, а с обыкновенным отчаянием. Впрочем, те, кто презирал подобные клейма, пользовались амулетами и оберегами (один лишь Холланд ходил без украшений, если не считать фибулы – отличительного знака королевских слуг). Магия заглядывала сюда неохотно. Язык стихий полностью забыли, как только те перестали к нему прислушиваться. Теперь

можно было призвать одну-единственную стихию – странный извращенный вид энергии, помесь огня и чего-то темного, порченого. Магию, которой можно было обладать, загоняли в амулеты, чары и заклятия. Их вечно не хватало.

Но люди не уходили из города.

Их приковывала сила наполовину замерзшей реки Сиджлт, которая все еще сохраняла слабые остатки тепла.

Они оставались здесь, и жизнь продолжалась. Те, кто еще не пал жертвой гложущей жажды магии, занимались будничными делами и всеми силами старались забыть о том, что их мир медленно погибает. Многие продолжали наивно верить в возвращение магии и в то, что сильный правитель сможет снова вдохнуть силу в жилы этого мира и воскресить его.

Поэтому люди выжидали.

Келл задумался: неужели обитатели Белого Лондона считали своих правителей Астрид и Атоса достаточно сильными или просто дожидались, пока их не свергнет следующий маг? Ведь это в конце концов произойдет – так происходило всегда.

Едва впереди показался замок, тишина стала гнетущей. Правители Серого и Красного Лондона жили во дворцах. Правители Белого – в настоящей крепости.

Замок окружала высокая стена, а за ней простирался каменный двор, который опоясывал цитадель, словно крепостной ров. Двор был заполнен мраморными фигурами. Пресловутый Крёс Мект, или Каменный лес, состоял не из деревьев, а из статуй. Ходили слухи, что скульптуры не всегда были каменными и лес на самом деле представлял собой кладбище, где царственные близнецы Астрид и Атос Даны хоронили убитых, напоминая всем, кто проходил сквозь внешнюю стену, что? они делают с изменниками.

Войдя во двор, Келл приблизился к массивным каменным ступеням. По бокам крепостной лестницы стояли десять стражей, неподвижных, точно статуи в лесу. Они были всего-навсего марионетками, которых король Атос лишил всего, кроме воздуха, крови в жилах и собственных приказов. При виде их Келл поежился. В Красном Лондоне запрещалось использовать магию для

управления, обладания и связывания тела и разума другого человека. Но здесь это было лишь одно из проявлений силы Атоса и Астрид, их способности, а стало быть, права править.

Стражи стояли без движения и молча провожали Келла пустыми взглядами, когда он проходил сквозь тяжелые двери. Вдоль стен сводчатого вестибюля выстроились другие стражи, тоже неподвижные, как каменные статуи, если не считать стеклянно поблескивающих глаз. Келл пересек комнату и оказался во втором коридоре: там было пусто. Лишь после того как двери закрылись за спиной, Келл позволил себе выдохнуть и чуточку расслабиться.

– На твоем месте я бы не спешил расслабляться, – донесся из темноты мужской голос. Вдоль стен горели факелы, никогда не догоравшие до конца, и в их мерцающем свете Келл увидел шагнувшего к нему Холланда.

Кожа Антари была почти бесцветной, а на лоб падали черные как смоль волосы, почти закрывая глаза: один серовато-зеленый, другой – черный и блестящий. Когда этот второй глаз встретился с глазом Келла, они, словно два столкнувшихся кремня, словно высекли искру.

– Я принес письмо, – сказал Келл.

– Неужели? – холодно произнес Холланд. – А я-то думал, ты зашел на чай.

– Ну, и это, наверное, не повредит, раз уж я здесь.

Холланд скривил губы, и эта гримаса меньше всего напоминала улыбку.

– Атос или Астрид? – спросил он, словно задавая загадку. У любой загадки есть отгадка, но, если дело касалось близнецов Данов, правильного ответа не существовало. Келл никогда не знал, с кем лучше встретиться. Он не доверял близнецам – и обоим вместе, и по отдельности.

– Астрид, – ответил Келл и задумался, правильно ли сделал выбор.

Холланд лишь невозмутимо кивнул и повел его за собой.

Замок, просторный и гулкий, был построен по образцу церкви – а возможно, когда-то здесь действительно размещалась церковь. В коридорах свистел ветер, камни отражали эхо шагов – только шагов Келла, ведь Холланд двигался с пугающей грацией хищника. На одно его плечо был накинут белый плащ, развевавшийся за спиной при ходьбе. Плащ был стянут округлой серебряной фибулой с выгравированными метками, которые издали казались обычным украшением.

Однако Келл знал историю Холланда и его серебряной фибулы.

Он услышал ее не от самого Антари. Пару лет назад, подкупив человека в таверне «Горелая кость», Келл выведал у него всю историю за несколько крон из Красного Лондона. Келл не мог понять, почему Холланд – пожалуй, самый могущественный человек в городе, а возможно, и в мире – служил парочке таких самовлюбленных головорезов, как Астрид и Атос. Келл бывал в городе до того, как пал последний король, и видел, что Холланд был его союзником, а вовсе не слугой. Конечно, тогда он был другим – моложе и самонадеяннее, но Келл запомнил кое-что еще – какой-то свет в глазах, огонь. И какое-то время спустя этот огонь погас, а короля не стало: его свергли Даны. Холланд остался с ними, словно ничего не изменилось. Но сам он изменился: остыл и помрачнел, и Келлу хотелось узнать, что же случилось на самом деле.

Он отправился за ответом и нашел его там, где находил большинство вещей и где вещи находили его: в таверне, всегда стоявшей на одном и том же месте.

Здесь она называлась «Горелая кость».

Рассказчик, сжав монету в руке, словно согревая, и сгорбившись на табурете, поведал историю на махтане – гортанном языке этого сурового города.

– Ён веждр тёк, – начал он вполголоса. – Поговаривают, что наш престол занимают не по праву рождения: путь к нему лежит не через кровное родство, а через кровопролитие. Кто-нибудь прокладывает себе дорогу к трону кинжалом и удерживается на нем сколько сможет – один-два года, пока его не свергнет другой. Короли приходят и уходят, это непрерывный цикл. Обычно все довольно просто: убийца занимает место убитого… Семь лет назад, – вздохнув, продолжал рассказчик, – когда убили последнего короля, несколько человек претендовали на корону, но в конце концов осталось только трое: Астрид, Атос и Холланд.

Келл раскрыл глаза от удивления. Хотя он знал, что Холланд служил прежнему монарху, он не догадывался о его стремлении стать королем. Тем не менее все логично: Холланд был Антари в мире, где правила сила. Он явно должен был победить. Однако близнецы Даны оказались не только безжалостными и коварными, но еще и могущественными. Вдвоем они одолели его, но не убили, а «связали».

Сначала Келл подумал, что неправильно понял (его махтан был не таким безупречным, как арнезийский), и попросил повторить слово «вёкст» – «связали».

– Той штукой, – сказал человек из «Горелой кости», постучав себя по груди. – Серебряным кружком.

Это связывающее заклятие, пояснил он, к тому же нечистое. Его наложил сам Атос. Бледнолицый король обладал сверхъестественным даром: он умел управлять другими людьми. Но Холланд не превратился в безмозглого раба вроде тех стражей, что стояли вдоль коридоров замка. Оно не заставляло его не думать, не чувствовать и не желать, оно заставляло его только действовать.

– Король Атос умен, – добавил человек, вертя в руках монету. – Чертовски жесток, но умен.

Холланд резко остановился, и Келл окинул взглядом пройденный коридор и уставился на дверь впереди. Он посмотрел, как Белый Антари поднес руку к выжженному на ней кругу из символов. Холланд провел по ним пальцами, коснувшись по очереди четырех: внутри открылся замо?к, и Холланд впустил Келла.

Тронный зал был таким же просторным и гулким, как и остальные помещения замка, но при этом округлой формы и целиком возведен из блестящего белого камня: начиная с закругленных стен и нервюр сводчатого потолка и заканчивая сверкающим полом и двойным троном на возвышении по центру. Келл поежился, хотя в зале было совсем не холодно: он лишь выглядел ледяным.

Холланд ушел, не прощаясь, но Келл не отвел взгляда от трона, на котором расположилась женщина.

Астрид Дан сливалась бы с ним, если бы не вены. Они выступали темными нитями на руках и висках, а все тело казалось этюдом в белых тонах. Многие в этом Лондоне старались скрыть тот факт, что постепенно выцветают, надевали одежду с высокими воротниками и длинными рукавами или пытались придать коже более здоровый оттенок. Бледную королеву это не волновало. Ее длинные бесцветные волосы, заплетенные в косу, не были прикрыты, а фарфоровая кожа сливалась с жакетом. Весь наряд облегал тело, словно броня: горло защищал высокий и жесткий воротник рубашки, жакет был наглухо застегнут от подбородка до талии (не из скромности, а для защиты, как полагал Келл), ноги обтягивали брюки с блестящим серебристым поясом и высокие сапоги. Ходили слухи, что человеку, плюнувшему на Астрид из-за того, что она не желала носить платье, отрезали губы. Единственными яркими пятнами были светло-голубые глаза, а также зеленые и красные талисманы, висевшие на шее и запястьях и вплетенные в косу.

Длинное, худое тело Астрид было жилистое, но далеко не слабое. Королева вертела в руках кулон, висевший на шее, с матовой поверхностью и кроваво-красными краями. «Странно видеть такую яркую вещицу в Белом Лондоне», – подумал Келл.

– Пахнет чем-то сладеньким, – сказала Астрид, глядя в потолок, а затем опустила глаза и остановила их на Келле: – Здравствуй, цветочек.

Королева говорила по-английски. Келл знал, что она никогда не учила языка и, подобно Атосу, во всем полагалась на колдовские чары. Где-то на ее коже, под плотно облегающей одеждой, была вырезана переводная руна. В отличие от безрассудных татуировок, которые делали себе те, кто жаждал силы, языковая руна служила грубым, но эффективным решением политической проблемы. Красный Лондон считал английский язык принадлежностью высшего общества, но Белый находил в нем мало пользы. Холланд однажды сказал Келлу, что это страна воинов, а не дипломатов. Они ценили битвы превыше балов и не видели никакой ценности в языке, которого не понимает народ. Не желая тратить годы на изучение общего языка королей, всякий, кто восходил на трон, наносил на тело эту руну.

– Ваше величество… – Келл чуть поклонился.

Королева приподнялась на локте и села. Ее ленивые телодвижения были явным притворством. Астрид Дан медлила, словно змея, перед тем как нанести удар.

– Подойди ближе, – сказала она. – Хочу посмотреть, насколько ты вырос.

– Прошло много времени, – произнес Келл.

Она провела ногтем по подлокотнику.

– И ты не выцветаешь.

– Пока нет, – осторожно улыбнулся он.

– Подойди ко мне, – повторила она, протягивая руку, – или я подойду к тебе.

Келл не знал, обещание это или угроза, но выбора все равно не было, и он шагнул к трону, словно к змеиному гнезду.

III

В воздухе щелкнул хлыст, и его раздвоенный конец рассек кожу на спине мальчишки. Тот не закричал (хотя Атос хотел именно этого), а лишь охнул от боли, стиснув зубы.

Его пригвоздили к квадратной металлической рамке, словно мотылька: руки широко развели, привязав запястья к вертикальным прутьям. Голова мальчишки свесилась на грудь, пот и кровь стекали по лицу и капали с подбородка.

Ему было шестнадцать, и он не поклонился.

Атос и Астрид скакали по улицам Белого Лондона на белых лошадях, окруженные солдатами с пустыми взглядами, и наслаждались страхом и покорностью в глазах народа. Люди опускались на колени, низко склоняя головы.

А этот мальчик смотрел почти прямо. Позднее он назвал Атосу свое имя – Бэлок, – выплюнув его вместе с кровью. А тогда люди глазели на него и перешептывались. Это, конечно, был шок, но и изумление, граничащее с

одобрением. Атос остановил коня и уставился на паренька, проявившего непокорность.

Конечно, Атос тоже когда-то был мальчиком и совершал нелепые, своевольные поступки, однако в борьбе за Белую корону усвоил много уроков, а завладев короной, усвоил их еще больше. Например, что непокорность – сорная трава, которую нужно вырывать с корнем.

Его сестра, сидя на скакуне, весело наблюдала, как Атос швырнул монету матери мальчика, стоявшую с ним рядом.

– Ёт воса риджке, – сказал он. «За убытки».

В ту же ночь пришли солдаты с пустыми взглядами, выломали двери домишка, где жил Бэлок, и вытащили на улицу брыкавшегося и вопившего мальчика. Его мать удерживало заклятие, накорябанное на каменных стенах, так что ей оставалось только причитать.

Солдаты приволокли мальчика во дворец и бросили, избитого и окровавленного, на сверкающий белый пол перед троном Атоса.

– Ай-ай-ай, – пожурил Атос своих людей. – Вы сделали ему больно. – Бледный король встал и презрительно взглянул на мальчика. – Это моя работа.

Хлыст снова рассек воздух и кожу. В этот раз Бэлок все-таки вскрикнул.

– Знаешь, что я вижу в тебе? – Смотав серебристый хлыст, Атос засунул ее в кобуру на поясе. – Огонь.

Бэлок выплюнул кровь на пол, и король скривил губы. Он прошагал через всю комнату, схватил мальчика за подбородок и ударил головой о раму. Бэлок застонал от боли, но Атос зажал ему рот и склонился над его ухом.

– Он горит в тебе, – прошептал Атос. – Мне не терпится его растоптать.

– Нё киджн авост, – выдохнул Бэлок, когда король убрал руку. – Я не боюсь умереть.

– Я верю тебе, – спокойно произнес Атос. – Но не собираюсь тебя убивать. Хотя ты наверняка пожалеешь о том, что я этого не сделал, – добавил он, отворачиваясь.

Рядом стоял каменный стол, а на нем – металлическая чаша с чернилами и остро отточенный клинок. Атос взял то и другое. Глаза Бэлока расширились, когда он понял, что? сейчас произойдет. Паренек попытался вырваться из пут, но они крепко его удерживали.

Атос улыбнулся.

– Значит, ты слышал о метках, которые я ставлю.

Весь город знал о пристрастии и таланте Атоса к связывающим заклятьям. Эти метки лишали человека свободы, личности, души. Атос не спеша готовил нож, а мальчишка мелко дрожал. Чернила наполнили продольную выемку на клинке, словно кончик писчего пера. Когда все было готово, бледный король улыбнулся и медленно поднес острие к тяжело вздымающейся груди мальчика.

– Я собираюсь оставить тебе разум, – сказал Атос. – Знаешь зачем? – Нож проткнул кожу, и у Бэлока перехватило дыхание. – Чтобы видеть в твоих глазах борьбу, которая будет разыгрываться всякий раз, когда твое тело подчинится моей, а не твоей воле.

Бэлок подавил крик, когда нож стал резать его плоть над самым сердцем. Проводя линии связывающего заклятья, Атос непрерывно что-то шептал. Кровь заливала порезы вперемешку с чернилами, стекала по телу, но Атос казался невозмутимым и, прищурившись, спокойно орудовал ножом.

Когда все было окончено, он отложил клинок и отступил на шаг, любуясь своей работой.

Бэлок обмяк, тяжело дыша.

– Не сутулься, – скомандовал Атос, с удовлетворением наблюдая, как Бэлок сопротивляется распоряжению, содрогаясь всем израненным телом, но затем все же выпрямляется. В глазах мальчика горела ненависть – жгучая, как никогда, но его тело принадлежало теперь Атосу.

– Что случилось? – спросил бледный король.

Вопрос был обращен не к мальчику, а к Холланду, который появился в дверях. Антари окинул взглядом всю сцену – кровь, чернила, истязаемый простолюдин, – и на его лице отразилось нечто среднее между холодным удивлением и безразличием, словно это зрелище нисколько его не задевало.

Но это была ложь.

Холланду нравилось прикидываться черствым, однако Атос знал, что это всего лишь хитрость. Хотя Антари притворялся бесчувственным, вряд ли он мог устоять перед эмоциями и болью.

– Ёс-во тач? – спросил Холланд, кивая на Бэлока. – Вы заняты?

– Нет, – ответил Атос, вытирая руки темной тряпкой. – Думаю, на сегодня мы закончили. Так в чем дело?

– Он здесь.

– Понятно, – Атос отложил полотенце и взял белый плащ, висевший на стуле. Он плавным движением набросил его на плечи и застегнул фибулу. – Где он сейчас?

– Я доставил его к вашей сестре.

– Что ж, будем надеяться, она еще не обглодала его косточки.

Атос повернулся к двери, заметив при этом, как Холланд снова перевел взгляд на мальчика, распятого на металлической рамке.

– Что мне с ним делать? – спросил Антари.

– Ничего, – ответил Атос. – Куда он денется.

Холланд кивнул, но, прежде чем отпустить его, Атос поднес ладонь к его щеке. Холланд не отпрянул и даже не напрягся от прикосновения бледного короля.

– Ревнуешь? – спросил король.

Оба глаза Холланда, зеленый и черный, спокойно, не мигая смотрели в глаза Атоса.

– Он страдал, – тихо добавил Атос. – Но не так, как ты, – он приблизил губы к самому уху Антари. – Никто не страдает так красиво, как ты.

В глазах Холланда полыхнули злость, боль, непокорность. Атос торжествующе улыбнулся.

– Нам пора, – сказал он, убирая руку. – А не то Астрид проглотит нашего юного гостя целиком.

IV

Астрид поманила его к себе.

Келлу хотелось положить письмо на узкий стол между тронами и уйти, сохраняя дистанцию, но бледная королева протянула руку за посланием и коснулась Келла.

Рука Астрид скользнула поверх письма и обвила запястье Келла. Он инстинктивно отшатнулся, но королева лишь крепче сжала руку. Кольца у нее на пальцах блеснули, и воздух наэлектризовался, когда она произнесла слово. По руке Келла пробежала молния: он почти мгновенно ощутил боль и разжал пальцы, выронив письмо. В крови вскипела магия, готовая действовать и защищать, но он подавил этот порыв. Астрид играла. Ей хотелось, чтобы он, Антари, сопротивлялся, поэтому Келл заставил себя этого не делать, даже когда ноги подкосились от испорченной, темной, противоестественной силы.

– Мне нравится, когда ты стоишь на коленях, – тихо сказала Астрид, отпуская его запястье. Келл уперся ладонями в холодный каменный пол и судорожно вздохнул. Астрид подхватила с пола письмо и положила на стол, после чего опустилась обратно на трон.

– Надо оставить тебя у нас, – добавила она, задумчиво постукивая пальцем по кулону, висевшему на шее.

Келл медленно встал на ноги. Рука отозвалась тупой болью.

– Зачем? – спросил он.

Астрид оставила в покое амулет.

– Просто мне не нравятся вещи, которые мне не принадлежат, – сказала она. – Я им не доверяю.

– А вы вообще чему-нибудь доверяете? – парировал Келл. – Ну или кому-нибудь, раз уж на то пошло?

Королева посмотрела на него, и уголки ее бледных губ поползли вверх.

– Все замурованные в мой пол кому-то доверяли. Теперь я ступаю по их телам, когда иду пить чай.

Келл поскосился на гранитную плиту под ногами. Конечно, ходили слухи о тусклых вкраплениях в блестящем белом камне…

Как раз в эту минуту у него за спиной распахнулась дверь. Келл обернулся и увидел, как в зал размашисто вошел Атос. Холланд отставал от него на пару шагов. Атос был точной копией сестры, только плечи были шире, а волосы – короче. Во всем остальном, включая цвет кожи, крепкие мышцы и жестокость, они были похожи, как две капли воды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/shvab_viktoriya/temnyy-ottenok-magii

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить